

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

СТАЛИН

ЛЕТОМ
СОРОК
ПЕРВОГО

НИКОЛАЙ
ШАХМАГОНОВ

В сводках не сообщалось...

Николай Шахмагонов

Сталин летом сорок первого

«ВЕЧЕ»

2020

Шахмагонов Н. Ф.

Сталин летом сорок первого / Н. Ф. Шахмагонов — «ВЕЧЕ»,
2020 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8264-9

В романе показана деятельность Сталина, вынужденного взять на себя командование Красной армией, а затем и Верховное Главное командование, в самый тяжелый и драматический период истории нашей Родины – первые месяцы с начала Великой Отечественной войны. Несмотря на то что удалось точно установить день и даже час германского нашествия, а также направить в пограничные военные округа секретную директиву Генерального штаба от 18 июня 1941 года о приведении войск в боевую готовность, произошла катастрофа, приведшая к общим неудачам. Превосходство в танках, авиации, артиллерии, созданное благодаря самоотверженному труду советского народа, было утрачено по вине ряда военачальников, и прежде всего генерала армии Павлова, под командованием которого Западный фронт развалился в течение недели...

ISBN 978-5-4484-8264-9

© Шахмагонов Н. Ф., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вместо предисловия	6
Дети своей Родины – России!	18
Время большой игры	24
Отдыхали так, чтоб надолго...	30
Руст сорок первого? «Игра» продолжалась	38
Если завтра война...	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Шамагонов

Сталин летом сорок первого

© Шамагонов Н.Ф., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

В России Верховная власть есть синоним Самодержавной власти Императора Всероссийского. Поэтому у нас эпитет «Верховный» может, строго говоря, употребляться только тогда, когда дело идёт о прерогативах Императорского Величества...

Н.И. Черняев, русский консервативный писатель и мыслитель рубежа XIX–XX веков

Вместо предисловия

Отшумел Первомай сорок первого, отшумел, как и в минувшие годы, радостно, весело, разливая жизнеутверждающие песни, заполняя центральные улицы городов колоннами празднично одетых людей.

Под восторженные аплодисменты ликующих трибун прошли по Красной площади парадные батальоны, прогрохотала боевая техника. И хотя военный парад, как и всегда, завораживал, восхищал, наполнял гордостью за могущество родной Красной армии, многим запомнилось то, что все мероприятия праздника словно бы носили нарочито мирный оттенок!

Кто мог предположить, что это последний первомайский парад перед долгими четырёхлетними испытаниями суровой войны? Кто? Наверное, очень и очень немногие. Во всяком случае Сталин, принимая парад и демонстрацию трудящихся, не мог не подумать с некоторой грустью о том, что этот праздник завершает мирные годы социалистического строительства, что завтра – война?!

Завтра – конечно, понятие образное. Первого мая ещё не была точно установлена дата нападения гитлеровской Германии на СССР, но то, что это нападение готовится и что оно неминуемо, Сталин прекрасно понимал, причём понимал лучше других, лучше даже тех государственных и военных деятелей, среди которых были и такие, кто заблуждался, а были и такие, кто умышленно отстаивал свою точку зрения. Она заключалась в том, что Гитлер не совершит нападение на Советский Союз, пока полностью не разделается с Англией. А такая постановка вопроса приводила к самым неопределённым прогнозам, поскольку Англия не собиралась сдаваться на милость победителя.

Отшумел праздник мира и труда, и первым майским мероприятием, отнесённым Сталиным к числу наиболее важных, был торжественный приём выпускников военных академий РККА, назначенный в Кремле на 5 мая 1941 года.

Сталин принял решение выступить перед выпускниками давно, возможно, ещё в конце декабря 1940 года, то есть сразу после того, как к нему на стол легло сообщение о речи Гитлера, произнесённой 18 декабря. Гитлер выступил по поводу выпуска из военных училищ пяти тысяч германских офицеров. Это была речь, настраивающая на агрессию, на захват чужих территорий и прежде всего – территории Советского Союза.

Сталин пробежал глазами текст. Отметил, что Гитлер заявил об исторической несправедливости, сложившейся на планете – 60 миллионов великороссов владеют одной шестой частью земного шара, а около 90 миллионов немцев ютятся на клочке земли.

Прочитав, Сталин усмехнулся: «Какие же это 60 миллионов?! Свыше двухсот!»

Известно, что к июню 1941 года в СССР было 209,3 млн человек.

Сталин прекрасно понял, что выдумкой неправильных цифр Гитлер хотел усилить эффект так называемой несправедливости!

Тогда уже Сталин решил ответить Гитлеру на его хамское выступление и ответить серьёзно, но не афишировал детали этого ответа. Ведь давным-давно уже стало ясно, что подобные выступления делаются зачастую не только ради тех, кто собран их выслушать, но и для тех, до кого нужно донести либо слова, проникнутые миролюбием, либо устрашающие слова. Ведь даже в том случае, если столь публичные выступления делаются для узкой аудитории и устраиваются как секретные, нельзя дать гарантии, что о них не станет известно тем, кому они далеко не безынтересны.

Было ясно, что заявление сделано не случайно. И действительно, в конце декабря 1940 года Сталину стало известно, что Гитлер утвердил план нападения на СССР под наименованием «Вариант Барбаросса», деталей которого пока ещё вскрыть не удалось, да и дата напа-

дения не была определена с точностью, поскольку в ту пору ещё не назначена. Ну а то, что Гитлер принял решение идти войной против Советского Союза ещё летом 1940 года, разведка докладывала и раньше.

Тогда уже Сталин решил, что настала пора сказать своё слово и донести это слово руководителя Советской Державы до её защитников. Но и этого мало. Уже в начале года он считал необходимым произвести новые назначения в армии. До постановки вопроса о них на заседание Политбюро поехал посоветоваться с Маршалом Советского Союза Борисом Михайловичем Шапошниковым. Не стал приглашать заслуженного военного к себе. Зайдя в кабинет, поздоровался, справился о самочувствии и, коротко охарактеризовав международную обстановку, задал вопрос:

– Борис Михайлович, думаю, настало время назначить на должность начальника Генерального штаба товарища Жукова! Подскажите, не ошибаемся ли мы с таким решением?

Шапошников ответил не сразу. Ответил, не торопясь, стараясь аргументировать каждое слово:

– Товарищ Сталин! Тут вопрос серьёзный. Годится ли он для штабной работы? Помните характеристику Рокоссовского, сделанную ещё в тридцатом году? Вы мне сами о ней говорили...

Да, действительно, Константин Константинович Рокоссовский, в то время командовавший 7-й Самарской кавалерийской дивизией, 8 ноября 1930 года написал в аттестации, что, учитывая уровень знаний и склад характера, командир 2-й кавалерийской бригады Г.К. Жуков «может быть использован с пользой для дела на должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную или преподавательскую работу назначен быть не может – органически её ненавидит».

– Вы же понимаете, товарищ Сталин, что ненависть к штабной работе неминуемо приводит к желанию иных командиров ломить, как говорил Михаил Юрьевич Лермонтов в поэме «Бородино», стеною, – заметил Шапошников. – Да вот только теперь времена иные. Ломить стеною, не размышляя над сложными замыслами, губительно.

– Это я понимаю, – сказал Сталин. – Но тут вот в чём дело. Идёт дипломатическая война, война действий и символов. Нужен ответ на выступление Гитлера перед выпускниками военных училищ. Не символизирует ли его выступление подготовку к войне? Вполне понятно, что символизирует. Думаю, что хорошим ответом будет назначение начальником Генерального штаба, во-первых, великоросса – раз уж Гитлер о великороссах заговорил, во-вторых, победителя японцев на Халхин-Голе! Тем более наркомом обороны мы уже назначили победителя финнов товарища Тимошенко, представителя украинского народа! Пусть Гитлер задумается! Во главе Красной армии представители двух братских народов – русского и украинского, – и оба уже разгромили агрессоров, выступавших против Советского Союза!

– Ну если политические интересы требуют, тогда другое дело. Язык символов – действенный язык. Понимаю, что необходимо оттянуть войну на возможно больший срок.

Шапошников сделал паузу, полагая, что Сталин скажет ещё что-то, но Сталин ждал его советов. И Шапошников прибавил, хотя, быть может, и скрепя сердце и не будучи на все сто уверенным, что сказанное полностью соответствует действительности:

– Впрочем, ведь и времени достаточно прошло после характеристики Рокоссовского. Жуков набрался опыта.

– Вот и порешили! – сказал Сталин, как показалось Шапошникову, с некоторым облегчением.

14 января было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О начальнике Генерального штаба и командующих войсками военных округов». Генерал армии Жуков занял место Мерецкова на должности начальника Генерального штаба РККА.

На 5 мая 1941 года был назначен в Кремле торжественный приём в честь выпускников военных академий. А накануне состоялось важнейшее событие в жизни страны, событие не случайное, знаковое, символизирующее сосредоточение Советского Союза в подготовке к отражению любой агрессии. Авторитету Гитлера на мировой арене, пусть дурному, пусть порочному, но авторитету, противопоставлялся авторитет Сталина, имя которого не сходило со страниц мировой прессы.

4 мая члены Политбюро ЦК ВКП(б) собрались на очередное заседание. Настала пора представить всему миру в противовес полновластному руководителю Германии полновластного руководителя СССР. До сих пор Сталин, возглавлявший партию, государственных постов не занимал. Партия руководила государством, а партией руководил Сталин. Почти все, за редким исключением, руководители министерств, ведомств, производств, военачальники были членами партии, а стало быть, подчинялись её руководителю в порядке партийной дисциплины. Но для всего мира такое подчинение не совсем было понятно. Возглавлять государство должен если не президент, то руководитель правительства, хоть и по оглашению исполнительного органа, но на самом деле фактически органа, руководящего в полной мере и в полном объёме.

По итогам заседания состоялось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о назначении Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, а Молотова – заместителем Председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР с оставлением его на посту Народного Комиссара по иностранным делам. Жданов становился заместителем Сталина по Секретариату ЦК.

Но опубликовано это постановление было не как обычно, на следующий день, то есть 5 мая, а только 6 мая.

Что же произошло 5 мая? В тот день утром на стол Сталину легли самые свежие сообщения, полученные военной разведкой, о политических событиях в Германии, которые значительно обостряли и без того напряжённую обстановку.

В донесении начальника внешней разведки Народного комиссариата государственной безопасности СССР (НКГБ СССР) сообщалось о секретном выступлении Гитлера перед немецкими офицерами:

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает: 29 апреля Гитлер в речи, произнесённой в “Спортпаласе” (огромном культурно-спортивном центре, построенном ещё в 1910 году и рассчитанном на 100 тыс. посетителей. – *Н.Ш.*) перед молодыми офицерами-выпускниками, содержание которой в прессе опубликовано не было, заявил: “В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой”. Эти сведения получены источником от нескольких офицеров, но подлежат дополнительной проверке».

Далее говорилось, что вечером 4 мая Гитлер выступил в Рейхстаге «с программной речью, в которой даже и не упомянул СССР! Как будто государства, занимающего одну шестую часть земного шара, с которым у Германии договор о ненападении, не существует».

Приводились и некоторые выдержки, в которых опять-таки звучали лживые заявления об исторической несправедливости...

Почти одновременно поступил очередной доклад начальника разведуправления Генерального штаба генерала Голикова. Согласно этому докладу, «количество немецких войск против СССР достигло 103–107 дивизий...».

Выдвижение войск к границам СССР продолжалось...

И в то же самое время нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков пытались убедить Сталина, что войной ещё и не пахнет.

Так, ещё 11 марта 1941 года Жуков представил доклад, в котором говорилось, что после окончания войны с Англией «...Германия, вероятнее всего, развернёт свои главные силы на юго-востоке от Седлец (район Чехии) до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину...».

Далее Жуков утверждал, что Гитлер начнёт войну против СССР не ранее победы над Англией.

А спустя несколько дней – 20 марта 1941 года – подобное же заявление сделал в докладе Сталину и начальник разведуправления Генерального штаба генерал Голиков. Он высказал мнение, аналогичное мнению Жукова:

«1. ...считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почётного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

В феврале 1941 года вскоре после своего назначения Жуков, при поддержке Тимошенко, добился перевода в подчинение Генерального штаба военной контрразведки, которая прежде относилась к ведомству НКВД. Ну представьте себе, переведя всё на язык нынешний, что глава какой-то крупной фирмы обращается к высшему надзорному органу и говорит, мол, вы тут нам проверку хотите прислать, так, пожалуйста, отдайте этих самых проверяющих в наше полное подчинение...

Смешно? Смешно. А в феврале 1941 года случилось именно так. Воспользовавшись тем, что началась реорганизация, которая предусматривала разделение НКВД СССР на два наркомата НКВД и НКГБ, Тимошенко направил Сталину и Молотову докладную записку с просьбой передать военную контрразведку в ведение Генерального штаба. В этой записке он отметил, что «коренная перестройка функций командования, направленная на укрепление единоначалия и сосредоточения в руках командира всех органов управления», требует соответствующих изменений и в этом важнейшем органе. То есть начальник Особого отдела РККА должен подчиняться наркому обороны и начальнику Генерального штаба и назначаться на должность приказом наркома. Сыграло роль то, что в данный период принималось немало различных решений, направленных на исправление недостатков, обнаженных в ходе советско-финской войны. Этим и воспользовался нарком обороны, убедив Сталина, что передача в его подчинение военной контрразведки укрепит единоначалие в Красной армии. Сталин нередко вынужден был идти навстречу руководству армии, если обоснования были вразумительными. А уж Тимошенко постарался... Так же точно при своём назначении наркомом он вытребовал упразднение института военных комиссаров, и с июля 1940 года в армии вместо комиссаров появились политработники, уже не имеющие таких прав, которые имели комиссары.

Вот и теперь, 3 февраля 1941 года, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О передаче Особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота СССР».

Пройдут годы, и маршал Жуков будет писать и говорить о том сложном времени так: «И.В. Сталин допустил непоправимую ошибку, доверившись ложным сведениям, которые поступали из соответствующих органов...» А как же быть с тем фактом, что одним из этих органов был возглавляемый им Генеральный штаб, с тем что и сам он пытался убедить Сталина в том, что Германия войны не начнёт, пока не разделается с Англией. Как быть с тем, что многие разведанные, получаемые наркоматом обороны от военной разведки, высшему руководству страны не докладывались?

Согласно данному постановлению, Особый отдел Главного управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР был ликвидирован. Вместо него созданы третьи управления в наркомате обороны и наркомате ВМФ, в задачу которых входили борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями, выявление и информирование руководства наркоматов обо всех недочётах в состоянии воинских частей и сил флота и обо всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих.

И всё это оставалось на решение наркома и начальника Генерального штаба, а они многое скрывали от руководства страны.

В марте 1941 года нарком обороны Тимошенко вышел с предложением к Сталину о создании Ставки Верховного Главного командования под своим управлением и с огромными полномочиями. На тот момент Сталин всецело доверял руководству наркомата обороны, но подобное считал более чем преждевременным. Что же касается самого предложения, то он обратил на него внимание и сделал выводы о том, что нарком обороны и начальник Генерального штаба всеми силами стремятся вывести военное ведомство из-под контроля государственной власти СССР.

И действительно, Сталин не знал очень много из того, что необходимо знать...

На совещании высшего командного состава Красной армии в декабре 1940 года начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Василий Данилович Соколовский говорил о главных целях и задачах такого важного вида боевых действий, как оборона. Он напомнил, что главная цель обороны состоит в отражении наступления превосходящих сил противника, нанесении ему максимального урона и удержании важных рубежей, что жёсткая и прочная оборона создаёт условия для перехода в решительное наступление с целью полного разгрома противника. В войне с сильным противником, которым является Германия, необходима глубокоэшелонированная оборона. И при построении такой обороны, усилия в которой наращиваются от рубежа к рубежу, не нужно опасаться даже временного оставления части территории. Необходимо допустить и такой вариант развития событий, при котором ударные группировки противника вклинятся в нашу оборону, где будут остановлены и разгромлены. Это создаст условия для освобождения своей территории и овладения территориями агрессора.

Вскоре после этого совещания по инициативе Сталина была введена должность второго заместителя начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационным вопросам, на которую уже в феврале 1941 года был назначен генерал-лейтенант Соколовский. Он сразу же занялся разработкой плана разгрома агрессора с помощью жёсткой обороны с последующим переходом в наступление, но только после поражения ударных группировок врага, причём разгрома их на территории Советского Союза.

Сталин считал важнейшим и основным вариант, предложенный генерал-лейтенантом Соколовским, тем более он полностью отвечал принципам военного искусства вообще и был проверен веками.

Достаточно взять успешные примеры применения такого метода. На Чудском озере Александр Невский нанёс поражение псам-рыцарям в оборонительном бою и разгромил их решительным контрударом. То же самое сделал и Дмитрий Донской на Куликовом поле, с оборонительной операции началось и стояние на Угре, которое тем и закончилось, поскольку противник так и не решился наступать. Классические примеры явило сражение при Прейсиш-Эйлау в 1807 году, когда в результате жёсткой обороны с проведением мощных контрударов русские генералы трижды поставили Наполеона на край гибели. И спасло его только предательство барона Беннигсена, что повторилось и в ходе Бородинского сражения, когда, по признанию начальника наполеоновского штаба маршала Бертье, французскую армию спасло от

полной гибели только опять же предательство барона Беннингсена, лишившего Кутузова мощного резерва, созданного для контрудара левым флангом против правого фланга французов.

А вот классический пример поражения даёт нам битва на Калке, в которой русские князья как раз и затеяли наступление на наступающего противника.

Словом, Сталину по душе было классическое отражение агрессии. Оборона, контрудары, пусть даже отход в глубь территории и затем решительное победоносное наступление.

В апреле 1941 года был окончательно принят план генерал-лейтенанта Соколовского, который и направлен в войска.

В соответствии с этим планом было поручено командующим войсками округов создать соответствующие группировки. Округа планировалось усилить десятью противотанковыми бригадами, задача которых перекрыть направления наступления германских войск на Ригу, Даугавпилс, Минск, Барановичи и Волковыску, и способствовать стрелковым дивизиям в прочном удержании рубежа Шауляй – Каунас – Лида – Гродно – Белосток.

Подготовленные к боевым действиям пять воздушно-десантных корпусов должны были действовать уже при развитии наступления и освобождении от германского фашизма Европы.

Но Сталин, в силу того, что органы военной контрразведки оказались в ведении наркома обороны и начальника Генерального штаба, не знал, что по поручению Жукова первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Ватутин разрабатывает альтернативный план вступления в войну, который, если сказать проще, как раз и отражает план, принятый русскими князьями в печально знаменитой битве на Калке, поражение в которой предшествовало тяжелейшему ордынскому нашествию.

Конечно, времена иные, конечно, вооружение не сравнить, но существуют методы ведения боевых действий, которые становятся символами на века, как, к примеру, известные «Канны». Ведь каждому известно, что окружение гитлеровских войск под Сталинградом назвали «Каннами двадцатого века». А ведь этот классический пример окружения противника с применением тактики «клещи» и полного разгрома произошёл в районе города Канны на юго-востоке Италии аж 2 августа 216 года до н. э. в ходе Второй Пунической войны. Между прочим, эти самые классические клещи Кутузов планировал использовать в Бородинском сражении для полного уничтожения грабительской наполеоновской банды. Ударная группировка генерала Тучкова, усиленная Московским ополчением, должна была нанести мощный удар по завязшему в Семёновских флешах правому флангу французов, причём нанести одновременно с ударом кавалерийского корпуса Уварова и донского казачьего корпуса Платова по французскому левому флангу. Канны восемнадцатого века не состоялись только потому, что низкий убийца императора Павла, барон Беннингсен, в канун сражения вывел из Утицкого леса на открытый склон всю ударную группировку Тучкова, и французы сразу изменили свою диспозицию, а затем нанесли колоссальный урон артогнём этой ничем не прикрытой группировке русских. В приказах некоторых военачальников на протяжении вековой истории часто нередко были откровенные, но трудно доказуемые предательства.

Как оценить план мгновенного встречного удара, разрабатываемого Генштабом не только в тайне от Сталина, но и в нарушении плана, утверждённого Советским правительством в октябре 1940 года? На всех учениях и всех штабных играх по приказу наркома и начальника Генерального штаба отрабатывались именно действия по немедленному встречному контрудару по начавшему агрессию противнику. Согласно этим своим намерениям, руководство наркомата обороны размещало и соединения приграничных округов, и аэродромы, и склады с вооружением, боеприпасами, горючим и другим военным имуществом.

План немедленного встречного или даже превентивного удара, предложенный в 1940 году на декабрьском совещании высшего командного состава, Сталин осудил и забраковал.

Тогда же было принято и решение – в развитие плана Соколовского – о формировании и сосредоточении в глубине обороны армий Резерва Главного Командования на рубеже Западная Двина – Днепр, причём важным было то, что, даже частично находясь на территории Западного Особого военного округа, командующему округом эти армии не подчинялись, что и уберегло их от разброда и шатаний.

Планы планами, но самым важным фактом в их исполнении были всё-таки люди – личный состав соединений Красной армии. Поэтому Сталин и решил выступить на торжественном приёме в честь выпускников военных академий. На характер его выступления повлияло и полученное 30 апреля сообщение о том, что германские войска высадились в Финляндии, и о том, что в морской порт Або, находящийся на юго-западе Финляндии в городе Турку у впадения реки Аурайоки в Архипелаговое море и имеющий выход в Балтийское море, прибыл 12-тысячный контингент германских вооружённых сил.

А через несколько дней Андрей Александрович Жданов получил письмо, подписанное псевдонимом «Гражданин». Жданов, прочитав письмо, тут же представил его Сталину, сочтя написанное в нём весьма и весьма важным. В письме, в частности, говорилось:

«Гитлер, заняв Югославию, Грецию, кинется на Турцию, и нам уже скоро из Чёрного моря будет закупорен выход, как он закупорен из Балтийского моря в результате занятия Германией Норвегии... нельзя больше “сидеть ожидать, когда Гитлер окружит нас со всех сторон и предъявит ультиматум – пропустите мои войска в Индию”».

Видимо, писавший хорошо знал историю, а потому эксплуатировал старую тему. Действительно, в своё время Наполеон ставил целью нашествия на Россию обеспечение своего прорыва в Индостан через русскую территорию и с помощью русских, прежде всего казачьих, формирований. Наполеон был не настолько глуп, чтобы не понимать: завоевать, поработить, колонизировать Россию и русский народ просто невозможно. Но теперь то было совершенно иное дело – в задачу германских паханов европейской бандитской шайки, презревшей человеческие законы и жившей по понятиям организованной преступной своры, входило именно истребление большей части населения России и порабощение остальной, необходимой для обеспечения рабочих мест. Теперь война предстояла не на жизнь, а на смерть.

В 18 часов 5 мая 1941 года в Большом Кремлёвском дворце началось торжественное собрание выпускников шестнадцати военных академий и девяти военных факультетов, созданных при высших учебных заведениях страны. Были приглашены и представители профессорско-преподавательского состава, и военачальники.

Нарком обороны открыл заседание и предоставил слово для доклада начальнику управления военно-учебных заведений РККА генералу Смирнову, выпускников приветствовал Михаил Иванович Калинин.

И тут Тимошенко объявил, что будет выступать Сталин. Зал взорвался аплодисментами.

Сталин заговорил не спеша, очень проникновенно и доверительно:

– Товарищи, разрешите мне от имени Советского правительства и Коммунистической партии поздравить вас с завершением учёбы и пожелать успеха в вашей работе. Товарищи, вы покинули армию три-четыре года тому назад, теперь вернётесь в её ряды и не узнаете армии. Красная армия уже не та, что была несколько лет тому назад. Что представляла из себя Красная армия три-четыре года тому назад?

Поставив такой вопрос, Сталин подробно рассказал о том, как усовершенствовалось вооружение Красной армии за минувшие годы. Остановился на том, что ещё недавно стрелковые войска были вооружены винтовками, которые необходимо перезаряжать после каждого выстрела. И вот уже в войска поступают, кроме ручных и станковых пулемётов, автоматы. Поступают новые пушки, имеющие высокую скорострельность и значительно возросшую

начальную скорость полёта снаряда. Коснулся и первых боевых опытов, отметив, «что многие товарищи преувеличивают значение событий у озера Хасан и реки Халхин-Гол с точки зрения военного опыта», и пояснил:

– Здесь мы имели дело не с современной армией, а с армией устаревшей. Не сказать вам всего этого, значит, обмануть вас. Конечно, Хасан и Халхин-Гол сыграли свою положительную роль. Их положительная роль заключается в том, что в первом и во втором случае мы японцев победили.

Но настоящий опыт в перестройке нашей армии мы извлекли из русско-финской войны и из современной войны на Западе.

Далее Сталин рассказал о многих изменениях, причём сообщил данные, которые были секретными. Недаром подбирали на эти торжества людей проверенных, надёжных, недаром много раз перетрясали списки. Он говорил, и выпускники слушали затаив дыхание...

В зале были те, кто уже через месяц, то есть после отпуска, предоставляемого сразу после выпуска, придут в войска на самые различные должности. Им предстоит влиться в воинские коллективы и в этих коллективах встретить всё, что суждено встретить стране.

Они носили разные звания – эти выпускники высшей военной школы, – они направлялись на различные должности и в различные рода войск, но они были объединены единым боевым порывом, единым боевым духом...

Речь была действительно важной, но все ждали ещё чего-то такого, что не могло не произойти после столь долгой и серьёзной подготовки аудитории.

Чутьочку глуховатый голос Сталина доходил до сердца каждого, потому что в каждой фразе чувствовалась доброжелательность:

– Что представляет из себя наша армия теперь? Раньше существовало сто двадцать дивизий в Красной армии. Теперь у нас в составе армии триста дивизий. Сами дивизии стали несколько меньше, но более подвижны. Раньше насчитывалось восемнадцать – двадцать тысяч человек в дивизии. Теперь стало пятнадцать тысяч человек. Из общего числа дивизий – третья часть механизированные дивизии. Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из ста механизированных дивизий – две трети танковые, а одна треть механизированные. Наши танки изменили свой облик. Раньше все танки были тонкостенные. Теперь этого недостаточно. Теперь требуется броня в три-четыре раза толще. Есть у нас танки первой линии, которые будут рвать фронт. Есть танки второй-третьей линии – это танки сопровождения пехоты. Увеличилась огневая мощь танков.

После короткой паузы Сталин продолжил рассказ о состоянии родов войск, об артиллерии, которая, кроме гаубиц, стала получать пушки, поскольку их роль в бою поднял опыт современной войны. Коснулся авиации РККА. Он напомнил, что прежде «скорость авиации считалась идеальной четыреста – пятьсот километров в час».

Не без гордости заявил:

– Теперь это уже отстало. Мы имеем в достаточном количестве и выпускаем в массовом количестве самолёты, дающие скорость шестьсот – шестьсот пятьдесят километров в час.

Военно-воздушные силы Красной армии спешно оснащались боевыми самолётами – в первую очередь истребителями, бомбардировщиками и штурмовиками, способными противостоять германскому люфтваффе. И эти самолёты уже в достаточных количествах поступали в приграничные округа. Если бы только их умели или не столько умели, сколько хотели некоторые крупные военачальники правильно применять! Впрочем, Сталин, увы, в тот день и час, когда выступал перед выпускниками военных академий, вряд ли мог себе представить, что результаты самоотверженного, титанического труда советских людей обречены на уничтожение, причём обречены не столько благодаря боевому опыту врага, сколько из-за невероятных,

не поддающихся объяснению действий командования приграничными военными округами, а особенно командования Западным Особым военным округом.

Сталин напоминал простые, ясные для каждого командира и начальника истины:

– Можно иметь хороший начальствующий состав, но, если не иметь современной военной техники, можно проиграть войну.

Он отметил, что в войне моторов важны не только мастерство и талант полководца, но и боевые средства, на которые может опереться этот талант.

Сказал о необходимости уделять внимание и такому «ценному роду оружия, как минометы». Относительно миномётов он сделал вывод ещё по результатам финской кампании. И под его нажимом миномёты стали внедряться в войска. Особенно же Сталин отметил:

– Чтобы управлять всей этой новой техникой – новой армией, нужны командные кадры, которые в совершенстве знают современное военное искусство.

Для выпускников военных академий и особенно для профессорско-преподавательского состава, представители которого присутствовали на торжественном приёме, особенно важной была Сталинская оценка деятельности военно-учебных заведений:

– Наши военные школы ещё отстают от армии. Обучаются они ещё на старой технике. Вот мне говорили, в Артиллерийской академии обучают на трехдюймовой пушке. Так, товарищи артиллеристы?

Сталин сделал паузу, пристально всматриваясь в зал. Но никто не проронил ни звука, хотя, конечно, многие были согласны с замечанием Сталина. А он обратил внимание, что Военно-воздушная академия обучает ещё на старых машинах И-14, И-16, И-153, СБ, и твердо заявил:

– Обучать на старой технике нельзя. Обучать на старой технике – это значит выпускать отстающих людей. Наши военные школы должны и могут перестроить своё обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны. Наши военные школы отстают, это отставание нужно ликвидировать.

Сталин сделал очередную короткую паузу, чтобы привлечь внимание к тому важному, что собирался сказать дальше. Ведь ни для кого не было секретом, что весь мир с ужасом следил за победным шествием германской армии по Европе, за тем, как терпели поражения европейские армии, которые казались сильными и способными к ведению войны.

Сталин поставил вопросы, которые волновали всех:

– Почему Франция потерпела поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима? Вы придёте в части из столицы. Вам красноармейцы и командиры зададут вопросы, что происходит сейчас. Вы учились в академиях, вы были там ближе к начальству, расскажите, что творится вокруг.

Заметил, что на эти вопросы каждому, сидящему в зале, придётся отвечать по приезде в войска, поскольку в них заключено то, что волнует в эти дни каждого бойца и командира. Подчеркнул:

– Надо командиру не только командовать, приказывать, этого мало. Надо уметь беседовать с бойцами. Разъяснять им происходящие события, говорить с ними по душам. Наши великие полководцы всегда были тесно связаны с солдатами. Надо действовать по-суворовски.

Сталин часто вспоминал имя великого Суворова, но он перед войной возвратил Отечеству и многие другие славные имена, оплётанные в первые послереволюционные годы теми, кто примазался к революции социалистической, имея душонки мелкие, мещанские.

Заговорил и о причинах успехов германской армии, которые неразрывно связаны с тем, что происходило в Германии.

– Вас спросят, где причины, почему Европа перевернулась, почему Франция потерпела поражение, почему Германия побеждает? Почему у Германии оказалась лучше армия? Это факт, что у Германии оказалась лучше армия и по технике, и по организации. Чем это объяс-

нить? Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Эта мысль Ленина относится и к нациям. Разбитые нации хорошо учатся. Немецкая армия, будучи разбитой в тысяча девятьсот восемнадцатом году, хорошо училась. Германцы критически пересмотрели причины своего разгрома и нашли пути, чтобы лучше организовать свою армию, подготовить её и вооружить. Военная мысль германской армии двигалась вперёд. Армия вооружалась новейшей техникой. Обучалась новым приёмам ведения войны. Вообще имеется две стороны в этом вопросе. Мало иметь хорошую технику, организацию, надо иметь больше союзников. Именно потому, что разбитые армии хорошо учатся, Германия учла опыт прошлого.

Далее Сталин коснулся более глубокой истории, рассказал о причине поражения французов в 1870 году. Тогда немцы победили, «потому что они дрались на одном фронте». Ну а поражения немцев в 1916–1917 годах связаны с тем, что они дрались на два фронта. Французы же ничего не учли из прошлой войны 1914–1918 годов?

Сталин напомнил:

– Ленин учит: государства гибнут, если закрывают глаза на недочёты, увлекаются своими успехами, почивают на лаврах, страдают головокружением от успехов. У французов закружилась голова от побед, от самодовольства. Французы прозевали и потеряли своих союзников. Немцы отняли у них союзников. Франция почилла на успехах. Военная мысль французской армии не двигалась вперёд. Она осталась на уровне тысяча девятьсот восемнадцатого года. Об армии не было заботы, и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно. На командиров стали смотреть как на неудачников, как на последних людей, которые, не имея фабрик, заводов, банков, магазинов, вынуждены были идти в армию. За военных даже девушки замуж не выходили...

Коснувшись причин неудач европейских армий, Сталин вновь перешёл к размышлениям об отношении к армии в стране и, возвысив голос, заявил твёрдо и проникновенно:

– Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства – в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Когда в стране появляется такая мораль, не будет крепкой и боеспособной армии. Так случилось и с Францией. Чтобы готовиться хорошо к войне, не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически. Что значит политически подготовить войну?

Политически подготовить войну – это значит иметь в достаточном количестве надёжных союзников из нейтральных стран. Германия, начиная войну, с этой задачей справилась, а Англия и Франция не справились с этой задачей. Вот в чем политические и военные причины поражения Франции и побед Германии.

Понимал Сталин и то, что для каждого сидящего в зале очень важно получить ответ на самый животрепещущий вопрос:

– Действительно ли германская армия непобедима? Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идёт с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические. Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Эти лозунги опасные.

Сказал и о том, что ждёт агрессора:

– Германия уже воюет под флагом покорения других народов. Поскольку старый лозунг против Версаля объединял недовольных Версалем, новый лозунг Германии – разъединяет. В смысле дальнейшего военного роста германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Немцы считают, что их армия самая идеальная, самая хорошая, самая непобедимая. Армию необходимо изо дня в день совершенствовать. Любой политик, любой

деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой.

И завершил выступление:

– Ещё раз поздравляю вас и желаю успеха.

После официальной части состоялся приём в Большом Кремлёвском дворце. Сталин провозгласил там два тоста – совершенно обычных в таких случаях. В первом он сказал:

– Разрешите поднять тост за наши руководящие кадры академий, за начальников, за преподавателей, за ликвидацию отставания в деле изучения современной материальной части.

Снова указал на причины отставания военной школы, на то, что надо переучиваться, в качестве недостатка назвал и то, что «наши органы снабжения в армии не дают новую технику в школы и академии: эту новую технику необходимо дать нашим слушателям для изучения, для ликвидации отставания наших школ и академий».

Второй тост был за здоровье бойцов и командиров родов войск Красной армии:

– Во всех войнах главным родом войск, обеспечивавшим победу, была пехота. Артиллерия, авиация, бронетанковые силы защищали пехоту, обеспечивали выполнение задач, поставленных перед пехотой. Крепости, города и населённые пункты врага считали занятыми только тогда, когда туда вступала нога пехоты. Так было всегда, так будет в будущей войне. Первый тост я предлагаю за пехоту. За царицу полей – пехоту!

Далее прозвучала здравица в адрес артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов.

Затем слово было предоставлено участнику встречи – генерал-майору танковых войск, который, как бы в духе времени, провозгласил вполне привычный тост «за мирную сталинскую внешнюю политику». Сталин словно ждал этого или подобного ему тоста...

Когда он снова встал и поднял бокал, в зале наступила тишина.

Сталин заговорил, и все присутствующие замерли, обратившись в слух...

– Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом.

Сталин коснулся аксиомы военных действий. Он вовсе не отметал оборону, как вид боя, напротив, он говорил об обороне, как о виде боевых действий, конечная цель которых – наступление. Он говорил о ведении обороны на заранее намеченных, эшелонированных в глубину рубежах, в сочетании с контратаками и широким применением огневых засад, устройстве заграждений и разрушений важных объектов. Всё это было чёрным по белому записано в боевых и полевом уставах Красной армии, всё это должно было отрабатываться на учениях. Такой порядок отражения агрессии противника был утверждён правительством ещё в 1940 году.

Выступление Сталина 5 мая 1941 года было необыкновенно важным, действенным, а главное – чрезвычайно откровенным.

Грозовые тучи сгушались над страной, и в первую очередь они сгушались над войсками первых эшелонов прикрытия государственной границы, тучи сгушались, но далеко не везде делалось всё необходимое для успешного ведения боевых действий в начальный, самый сложный период войны. И всё, что было либо недоделано, либо умышленно или по халатности сделано не так, как утверждено советским правительством, больно, жестоко, а порою просто изумительно ударило и по тем, кто вынужден был принимать бой в крайне невыгодных условиях, и по всему советскому народу, принося кровь, горе потерь, все невзгоды войны, начатой с запланированных или пропущенных по каким-то не укладываемым в сознании причинам.

Это испытали на себе и герои романа, начиная с верховного руководителя страны, не ожидавшего многочисленных подвохов со стороны тех, кто должен был в первую очередь радеть за обороноспособность страны, и заканчивая рядовыми тружениками, вынесшими испытания страшного деяния человеческого, имя которому – война.

Дети своей Родины – России!

Так случилось, что молодой красный командир капитан Николай Алексеевич Теремрин окончил Военную академию имени Фрунзе весной сорок первого года, и ему, как отличнику учёбы и кавалеру ордена Красного Знамени, выпала честь побывать 5 мая в Кремле на торжественном приёме, устроенном в честь выпускников военных академий.

Слушая выступления Сталина, он сразу заметил, сколь разительно отличалось сказанное им от того, что писали газеты, журналы, о чём твердило радио. Если газеты говорили о прочном мире с Германией и не позволяли выпадов против Третьего рейха, а поджигателями войны называли Англию и Францию, то Сталин прямо указал на то, что фашистская Германия является главным очагом войны, и резко осудил её руководство за развязывание новой мировой бойни.

Конечно, в прочный мир с Германией мало кто, особенно из военных, верил. Просто человек устроен так, что всегда надеется на лучшее, а лучшее – это конечно же мир. Своим выступлением Сталин разрушил благодушные настроения и откровенно заявил выпускникам академий, что международная обстановка обостряется с каждым часом, а это означало одно – в ближайшее время можно ожидать нападения фашистской Германии на Советский Союз. Он призвал по прибытии к местам службы с первых дней отдавать все силы на борьбу за повышение боеготовности подчинённых подразделений. Главное, что уяснил Теремрин – о чём бы ни писали газеты, о чём бы ни говорили политики, военные должны твёрдо знать своё главное дело: они должны свято выполнять свой долг защитников Отечества.

Вспомним поэму Константина Симонова «Иван да Марья», вспомним строки об окончании военной академии: «Выпуск – праздник! Вдвоём – по Волге. В Сочи – месяц! В Крыму – неделя! Отдыхали так, чтоб надолго. Словно в воду оба глядели...»

После приёма в Кремле был ещё и выпуск в академии, ведь далеко не все смогли побывать на торжествах 5 мая. Получили дипломы, отметили выпуск, а потом настала пора прощаться с однокашниками. Теремрин был направлен в распоряжение командующего Западным Особым военным округом, его боевой друг по событиям на озере Хасан майор Андреев отправился в Прибалтийский особый военный округ.

В отпуск молодому капитану Николаю Теремрину ехать было пока не с кем, он ещё даже и подумать о женитьбе не успел. То учёба в Школе ВЦИК, то служба на Дальнем Востоке, то война с японцами, то учёба. Впрочем, он пока и не собирался на курорты. Тянуло домой, в деревню, к матери, где она учительствовала в школе, где он вырос, окончил начальную школу и откуда уехал к тётке – сестре матери – в Подмоскowie, чтобы затеряться там в суете и спокойно поступить в военную школу. Причины затеряться были. Хотя и записано в документах, что отец погиб ещё в Первую мировую, в деревне-то многие знали, что успел он и у белых послужить, а потом уж и исчез неведомо куда. Может, и погиб... А если нет? Во всяком случае, и так ведь могли рассудить, если бы становился на воинский учёт в родных местах.

В Подмоскowie Малаховке он закончил десятилетку и спокойно поступил в Школу имени ВЦИК.

И вот уже капитан, недавний – до поступления в академию – командир разведроты, а теперь, почитай, комбат.

В середине мая все московские заботы и проблемы остались позади. Капитан Теремрин отправился на Курский вокзал, откуда шли поезда в родные края. Вокзал был полон пассажирами, отправляющимися на отдых: в Крым, на Кавказ. Теремрин в хорошо подогнанной военной форме, стройный, подтянутый, прошёл по перрону, привлекая внимание прохожих ярким сияющим на груди орденом Красного Знамени, очень в ту пору почётной наградой, и сел в

скорый поезд. В военной форме тогда было принято ходить почти постоянно, даже порой и в отпуске – народ уважал своих защитников.

Скорые поезда на небольшом полустанке Тульской области не останавливались. Теремрин тем не менее взял билет именно на скорый, чтобы сойти в Туле и пересесть на рабочий поезд, кланявшийся каждому полустанку.

Москва провожала совсем ещё молодой листвой, но Теремрин знал, что родные края встретят уже листвой более зрелой. Всё ж на двести с лишним километров южнее.

Сел в поезд ранним утром. Нужно было успеть добраться до небольшой станции с таким расчётом, чтобы засветло совершить двадцатикилометровый марш пешим порядком до деревни Тихие Затоны.

Вспомнил, как шёл в первый лейтенантский отпуск, разумеется, тоже в военной форме, как встретили его сельчане – с уважением встретили, даже с каким-то особым почтением. Всё-таки красный командир!

Ну а ныне и вовсе выпускник академии – «академик», как полушутя таковых называли в войсках.

В тот первый приезд с разговорами о политике особо никто не приставал, как-то успокоился народ после бурь Гражданской войны. А тут вдруг, едва поезд тронулся, сосед по купе, пожилой мужчина, весь седой от волос до бороды, с некоторыми намёками на былую выправку, сразу спросил:

– Ну что, командир, воевать с германцем будем?

Вот это «с германцем» сразу указало на то, что бывал старик в делах боевых, наверняка бывал.

– Конечно, руководством страны прилагаются все силы, чтоб избежать войны, – заученно проговорил Теремрин, не ведая, как лучше отвечать на подобный вопрос. – Но, – он развёл руками, понимая, что хоть что-то надо сказать бывалому воину, – но не всё от нас зависит, далеко не всё!

– Вижу, что боле ничего сказать не можешь, – вздохнув, проговорил старик. – Вижу! Да только и другое вижу – готовится германец, а уж если начал подготовку, непременно пойдёт на нас. Будет делать этот, как его дрыг нах остэн...

– Drang nach osten! – с улыбкой поправил Теремрин, но старик рассмеялся и заметил:

– А я говорю «дрыг», потому как заставит его наша Красная армия ножками дрыгать... А? Как, товарищ капитан, заставим? – И он засмеялся, радуясь своему неожиданному каламбуру и представляя, как дрыгают ногами эти самые немцы.

– Если пойдёт на нас, заставим дрыгать! – весело сказал Теремрин и ловко перевёл разговор на Первую мировую, на, как тогда говорили, германскую.

Старик рассказал, как воевал, как был ранен, как принял революцию. И, уже посерьёзнев, прибавил:

– Дрыг-то оно дрыг. Но скажу тебе, командир, что немец – противник серьёзный. Верю, что одолеем, но придётся нелегко, ой нелегко.

Немного помолчали. Но путь неблизок, поговорить было время.

– А орден-то за что? Великий орден! Почётный! – вдруг спросил старик и сам подсказал: – За японскую?

– Так точно, за неё самую.

– Ну понятно, что за Хасан или Халхин-Гол?! Для той-то, давней Артурской, молод ещё, – заметил старик, назвав так вот по-своему Русско-японскую войну 1904–1905 годов.

– Не то что молод – вовсе не родился, – засмеялся Теремрин.

– Ну а я на той давней Артурской, ещё при царе-батюшке, хватил лиху. Молодым ещё хватил. А вот уж на германской-то в годах воевал, – поведал старик, к удивлению, произнеся вот это самое – при царе-батюшке.

Теремрин снова увёл разговор от себя, стал расспрашивать про ту, давнюю, названную стариком Артурской.

Пожилая женщина, сидевшая напротив, долго прислушивалась к разговору, а потом, тяжело вздохнув, сказала с нотками печали в голосе:

– Э-х! Дед... Мы-то с тобой пожилы на свете белом. По-разному, конечно, – кто как, – но пожилы, а у него-то, – она кивнула на Теремрина, – и у его сверстников, почитай, только жизнь начинается, а тут... Опять этот германец поганый лезет. Что б ему пусто было.

– Ничего, не волнуйтесь, мы свой долг выполним! – бодро сказал Теремрин, а она не ответила, только посмотрела на него как-то очень тепло и мягко, по-матерински, и, отвернувшись к окну, смахнула слезу.

Было заметно, что в Москве люди как-то очень благодушно воспринимают то, что творится в мире. То ли большой город не даёт сосредоточиться на тревогах и опасениях, то ли кажется им, уже вкусившим и удобств, и прелестей городской жизни, которая была к тому времени уже полегче деревенской, что вот так всё в мире устроено, что будет незыблемым и спокойным.

Наконец поезд остановился в Туле. Теремрин вышел на перрон и тут же увидел палаточку со знаменитыми тульскими пряниками, памятными ещё с детских лет. Рабочий поезд отходил через час. Побродив по вокзалу, закупил пряников, ну и дождался, наконец, когда подали короткий – всего в несколько вагонов – состав. До станции Лазарево поезд тащился долго, хотя и ехать-то всего ничего – километров сорок.

Наконец кондуктор объявил станцию, Теремрин взял чемодан и спустился на низкую, едва возвышающуюся над железнодорожными путями платформу. Рабочий поезд продолжал стоять, как выяснилось, пропускал скорый, потому что Теремрин не успел дойти до станционного здания – одноэтажного, выкрашенного в грязно-жёлтый цвет, или просто перекрасившегося от постоянной копоти железной дороги, как в южном направлении промчался пассажирский состав со сливающимися на скорости в сплошные полосы вагонными окнами. Дал гудок паровоз, на платформу упали клубы паровозного дыма, всё вокруг наполнилось шумом и грохотом.

Теремрин проводил взглядом скорый и, не заходя на станцию, направился к большаку, который сначала спускался в низину, а затем поднимался в гору мимо расположившейся слева от него машинно-тракторной станции. Дальше путь лежал по проселкам, по чернозёму. Радовало, что не было дождя, а то ведь в Черноземье, едва ли ни при первых дождевых струях дороги мгновенно превращались в чёрное, мягкое, скользкое маслянистое покрывало, особенно весной, когда земля ещё не совсем просохла, и осенью, когда дожди заставляют её набухать от непрорыхающей влаги.

Шёл споро, легко, весело вспоминая прибаутки типа: «Пехота! Сто прошёл – ещё охота!»

Наконец с возвышенности, по склону которой спускались к реке деревенские домики, увидел «каменку», дорогу, выложенную ровными, обтёсанными камнями. Сверкнул вдали синий глаз Ключей, небольшого озера со студёной и необыкновенно вкусной водой. А скоро вдали показались высокие лозинки на косогоре, сквозь ещё не слишком сочную листву которых краснели капельки крыш.

Остановился у Ключей, присел, зачерпнул пригоршню студёной воды, напился с пылу и жару дороги, оросил лицо и, легко поднявшись, бодро зашагал дальше.

Если в дороге особо с расспросами не приставали – может, потому что сосед попался грамотный, понимавший, что не всё может в это суровое и неясное время сказать военный, то здесь – дело другое. Тут его ещё мальцом знали.

Конечно, в основном все в поле, но и в деревне у кого-то дела есть. Встретился ехавший на телеге по каким-то делам колхозник.

– Тпрууу! – остановил он лошадь. – Николай, аль ты?! Ишь ведь и не узнать. Каким стал!

– Я-я, дядь Кузьма.

– На побывку?

– В отпуск! Ну а потом к новому месту службы.

– И далече?

– В Белоруссию! В Западный Особый военный округ.

Лучше б не говорил. Кузьма спрыгнул с телеги, подошёл, спросил тихо, заговорщицки:

– Скажи, война-то будет аль нет?

Ну что тут ответить? Как сказать, чтоб удовлетворить далеко не праздное любопытство.

– Эх, дядь Кузьма, кто ж знает, будет иль не будет?

– Понимаю, понимаю. То, что рано или поздно будет – это всем ясно. А вот будет в году нынешнем аль нет?

– Могу сказать одно, – вздохнув, ответил Теремрин, – очень бы хотелось, чтоб не было. Наша Красная армия перевооружается, оснащается новейшей техникой. Нам бы ещё годик-другой, да хотя бы и годик!

– А ноне что ж, аль не готовы, что ль?

– Готовы! Долг каждого военного – всегда быть готовым, в любую минуту. Но лучше бы ещё немного, ведь промышленность только недавно стала осваивать выпуск новейшей боевой техники – между прочим, лучшей в мире.

– Это хорошо, что лучшей. Да ведь германец-то не лыком шит. – Он махнул рукой и спохватился: – Да что это, право, иди, иди скорее, мать небось заждалась тебя.

Вот и дом на взгорке, скрывшийся за пятью лозинками со стволами даже не в два, а в три объёма. Мать словно почувствовала, вышла на крыльцо, всплеснула руками:

– Радость-то какая. Сыночек!

Теремрин не сообщил о приезде, но она знала из писем, что скоро, скоро выпуск из академии и отпуск.

Отпуск. Беззаботное время, замечательное время. Целый месяц. Месяц в деревне. Жаль только не сезон – ни ягод, ни грибов. Разве что рыбалка на тихой извилистой речке с тенистыми заводьями и с разрушенной мельницей чуть выше по течению.

Мать не задавала лишних вопросов. Когда он обмолвился, что слушал речь Сталина, но тут же замолчал, она только и сказала:

– Можешь ничего мне не объяснять. Я пережила уже начало одной мировой войны, помню июль девятьсот четырнадцатого, помню тревогу на лицах крестьян нашего села, особенно на лицах женщин, матерей. Вот и теперь – то же. Германия – серьёзный противник. Твой отец не раз говорил, что в мире есть только две настоящие армии, только два настоящих солдата – это русская и германская армия, это русский и немецкий солдат. Остальные – барахло. И остальные европейцы – барахло, и американцы – полное барахло. Правда, когда уже война началась, он резко изменил своё мнение. Резко. И не случайно. Немецкие солдаты показали себя с самой ужасной стороны. Это нелюди...

– Звери, – сказал Николай Теремрин.

– Нет. Нельзя зверей оскорблять сравнением с этими жестокими, бессовестными, безнравственными нелюдями.

Николай посмотрел на мать с некоторым удивлением, во-первых, потому что она не любила делать резких и неллицеприятных оценок, а во-вторых, об этой стороне будущей войны до сих пор не задумывался, ведь ещё не стали известны ужасающие примеры изуверств двуногих животных самого низменного пошиба, ведь ещё не пришли на русскую землю чудовища в крысиной форме и с крысиными замашками.

Мать несколько секунд колебалась, потом решительно встала и подошла к книжному шкафу. Вынула несколько томов из первого ряда и достала из второго ряда какую-то книгу,

которую Николай раньше не видел. Очевидно, мать не случайно прятала её от него. Время-то было сложное!

– Вот, сынок, это книга Ивана Алексеевича Бунина. Сейчас этот изумительный писатель не особенно в моде. Хотя есть некоторые сведения, что Сталин поручил нашим дипломатам и литераторам убедить Бунина вернуться на Родину. Но... Вероятно, нашлись бы в России и такие силы, которые не простили ему его «Окаянные дни». Я не видела этой книги, но слышала о ней. Страшные вещи говорятся там о нашей революции, но что делать. Революция подняла со дна всю чернь, которая далека была от светлых идей. Зато первой ринулась грабить и убивать, да, да, – грабить и убивать. А о немцах вот, возьми и почитай. Первая мировая началась в августе четырнадцатого, а уже четырнадцатого сентября, через полтора месяца, Бунин написал воззвание о бесчеловечности немцев. Тогда уже проявилась их лютая жестокость. Это тогда, когда не было советской власти. Теперь же всё, что прочтёшь, думаю, можно будет возвести в квадрат...

Теремрин открыл книгу. Читал Бунинские строки и ужасался:

«То, чему долго отказывались верить сердце и разум, стало, к великому стыду за человека, непреложным: каждый новый день приносит новые страшные доказательства жестокостей и варварства, творимых германцами в той кровавой брани народов, свидетелями которой суждено нам быть, в том братоубийстве, что безумно вызвано самими же германцами ради несбыточной надежды владычествовать в мире насилем, возлагая на весы мирового правосудия только меч».

Как же точно сказано! Вот ведь только несколько минут назад, когда мать коснулась зверств немецких солдат, он тоже не сразу поверил в такое. Не верил, видимо, и писатель Бунин, не верил до тех пор, пока не были обнародованы первые факты дикого поведения германского воинства.

Далее в книге говорилось о германских солдатах и офицерах, которые, по словам Бунина, «как бы взяли на себя низкую обязанность напомнить человечеству, что ещё жив и силён древний зверь в человеке, что даже народы, идущие во главе цивилизующихся народов, легко могут, дав свободу злой воле, уподобиться своим пращурам, тем полунагим полчищам, что пятнадцать веков тому назад раздавили своей тяжкой пятой античное наследие: как некогда, снова гибнут в пожарищах драгоценные создания искусства, храмы и книгохранилища, сметаются с лица земли целые города и селения, кровью текут реки, по грудам трупов шагают одичавшие люди – и те, из уст которых так тяжело вырывается клич в честь своего преступного повелителя, чинят, одолевая, несказанные мучительства и бесчестие над беззащитными, над стариками и женщинами, над пленными и ранеными...»

– Мама, можно я возьму с собой эту книгу? Она будет так необходима, когда грянет...

Он не сказал «грянет война», но разве надо было добавлять, что может грянуть в любую минуту на наших западных границах.

Мать отрицательно повела головой, забрала книгу и поставила её на своё место в шкафу. Николаю же деликатно, но твёрдо сказала:

– Вот этого делать не надо!

– Отчего же? Бунин выступал против зла, против жестокости, против... – Пока он подбирал слова, мать, перебив, пояснила:

– Не то сейчас отношение властей к писателю из-за всё тех же «Окаянных дней». Но, думаю, это в конце концов изменится, а книга пока подождёт своего часа. А сейчас можешь почитать вот этот сборник Бунина. Тут в основном рассказы, очень художественные, очень лиричные. Но и её с собой не стоит брать.

Мать достала из того же шкафа и тоже из второго ряда скромно изданную книжку.

Теремрин читал всю ночь, читал и делал даже некоторые выписки к себе в блокнот, не указывая на всякий случай автора. Сами же выписки были более чем патриотичны...

Он записал мысли Бунина о единении с русским народом, том единении, которое он осознал, лишь покинув Родину, и понял: «Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И ещё в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу».

Этот небольшой рассказ и назывался «Косцы».

А ещё Бунин писал в нём о песнях, о былинах, сказаниях и сказках, в которых обязательно говорилось о жестоких нашествиях на Русскую землю... И защите народа русского...

«И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его „по его младости“. Были для него ковры-самолёты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклания, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, чёрные топи болотные, носки летучие – и прощал милосердный Бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...»

А когда Теремрин на следующий день взбежал на возвышенность, огляделся вокруг и прошептал накрепко врезавшиеся в память строки: «Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – или благословенной – Богом стране».

А когда вернулся домой и мать спросила, что больше всего понравилось в книге Бунина, Теремрин ответил:

– Как же точно сказано: «Все мы дети своей Родины!» – И прибавил: – Все мы дети – России!»

Время большой игры

Когда Сталин выступал 5 мая 1941 года на торжественном приёме выпускников военных академий, он не знал о важнейшем докладе советского военного атташе в Берлине генерал-майора Василия Ивановича Тупикова, направленном 26 апреля наркому обороны Тимошенко и начальнику Генерального штаба Жукову.

Доклад был основан на точных разведданных и на анализе состояния германских вооружённых сил, их группировок, создаваемых на границах с Советским Союзом, а главное, на задачах, поставленных этим группировкам.

Тупиков писал: «Красная Армия, не имея подготовленных рубежей обороны внутри страны, широко разветвлённой аэродромной сети и заранее подготовленных путей сообщения, после первого удара будет стремительно отходить назад, не имея возможности задержаться ни на одном заранее подготовленном рубеже... Немцы одновременным ударом в нескольких направлениях прорвут фронт и разъединят Красную Армию на отдельные группы, в дальнейшем будут стремиться окружить и уничтожить их. Особую роль сыграют подвижные войска, которые после прорыва быстро проследуют в глубину, выйдут на пути отхода Красной Армии и произведут окружение. Большая роль в этих действиях отводится авиации и воздушным десантам. По времени всю эту операцию (разгром армии и выход на меридиан Москва) предполагается осуществить в один-полтора месяца».

От Сталина этот доклад генерала Тупикова скрыли, что же касается реакции, то она была, мягко говоря, непонятной – Жуков отдал распоряжения не по укреплению обороны в Западном Особом военном округе, а по дальнейшей подготовке немедленного встречного лобового удара по факту агрессии. Это было дальнейшим углублением подмены утверждённого советским правительством в октябре 1940 года плана отражения агрессии.

Но что же Сталин? Насколько вредоносным было для дальнейшего развития событий сокрытие доклада генерала Тупикова?

Замыслы врага для Сталина не были секретом, поскольку он получал сообщения из разных источников, но вот о расчёте немцев на то, что на главном направлении их удара войска Западного Особого военного округа будут фактически подставлены для полного разгрома, он, конечно, не знал. А такие данные тоже поступали в Генеральный штаб, в частности от советской резидентуры в Румынии.

Это было направление действий, за которое отвечали нарком обороны и начальник Генерального штаба, которым Сталин продолжал доверять, ведь и Тимошенко, и Жуков были назначены на высокие посты им самим.

Сталин решал главный политический вопрос. Первостепенной задачей было сломать единый фронт империалистических стран и привлечь на свою сторону тех, кто, по существу, привёл Гитлера к власти и вооружил Германию для похода на Советский Союз. Нужно было использовать любые противоречия, неминуемо возникающие между ними, нужно было следить за тем, как меняются их цели в уже бушующей Второй мировой войне.

Именно на его плечи легла и большая дипломатическая игра между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Она вступила в решающую стадию после договора о ненападении, заключённого 23 августа 1939 года, и договора о дружбе и границах с Германией, подписанного 28 сентября 1939 года.

Поначалу, примерно год, «игра» развивалась неспешно. Гитлеру нужно было решить свои вопросы на Балканах и на Западе. Германия подминала под себя всё новые и новые страны, которые, за исключением немногих, таких как, к примеру, Испания и Югославия, ложились под неё с завидными терпимостью и подбострастием, словно их элиты хотели сказать с вожделием: хозяин пришёл. Гитлеру нужен был покой на его восточных границах, а

потому он разыгрывал чуть ли не дружелюбие к СССР. Сталину нужно было время, чтобы завершить перевооружение армии, подготовить её к современной войне моторов, добиться военно-технического превосходства по важнейшим видам вооружений. Кроме того, необходимо было и Англии с Францией показать, что руки на Западе у него развязаны, а потому очень стоит поумерить свои аппетиты. А то ведь до чего дошли – вполне реально готовились нанести бомбовые удары по нефтеносным районам юга СССР.

И вот СССР вышел на последний рубеж перед схваткой с Третьим рейхом, у руля которого находились те, кого ныне бы на современном жаргоне назвали не иначе как отморозками.

Тем не менее отморозки эти во главе со своим паханом Гитлером были достаточно сильны – бандитские шайки бывают ведь ещё какими сильными!

Сталин понимал, с кем имеет дело, понимал, что договора и соглашения для бандитов – пустое место, поскольку живут они и действуют по воровским понятиям. Понимал он это и заключая договор о ненападении, понимал и на протяжении того недолгого времени – менее двух лет, пока этот договор всё же позволял оттягивать войну, понимал и весной сорок первого.

Начало завершающей стадии большой «игры» можно отнести к декабрю 1940 года, когда Гитлер утвердил в основном план нападения на СССР, названный «Вариант Барбаросса», и выступил 18 числа с истерично-шизофренической, поистине бандитской речью перед выпускниками военных училищ, где перевёл все законы – пусть и не совершенные, но всё же существующие в мире, – на язык блатных понятий – хочу чужое, заберу, потому что так хочу и имею для того силу.

Сталин ответил назначением на должность начальника Генерального штаба генерала Жукова, победителя японцев на Халхин-Голе.

Гитлер намёк понял, но сосредоточение войск на границах Советского Союза не прекратил. И вот его новые два выступления – 29 апреля и 4 мая, а также высадка войск в Финляндии показали, что подготовка к вторжению продолжается.

Сталин сделал ответный шаг: 4 мая встал во главе Правительства СССР, а 5 мая выступил перед выпускниками академий совсем не с миролюбивой, вовсе не пацифистской речью, а также с непревзойдённым тостом. Он выступил спокойно, без поросычьего визга фюрера и его заумного рукоблудства на трибунах под восторг обезумевших и истеричных масс, в которую фашисты сумели превратить немецкий народ.

В ответ уже 9 мая в СССР началась переброска значительной части войск Красной армии к западным границам.

Настало время сделать свой ход Гитлеру. И он сделал его: 10 мая отправил в Лондон Гесса.

В ту пору мало кто мог объяснить сей странный шаг, как теперь говорят иные историки, не сильно ошибаясь, полётом «за высочайшим разрешением Лондона напасть на СССР». В ту пору мало кто понимал, как управляется мир, и мало кто знал, что Англия является центром концентрации управления. Мало кто понимал, что войны на земле в подавляющем большинстве своём процесс управляемый, правда, управляемый не на сто процентов, поскольку полное управление просто не под силу тайным правителям. Войны, процесс, зависящий в очень и очень многом от народов стран, подвергающихся агрессии.

Сталин знал и понимал значительно больше других, но он вполне мог подозревать, что тут кроется целый ряд причин, что, вполне возможно, это попытка Гитлера обмануть Англию, объединиться с ней против СССР, а уж потом, после победы, на которую он в силу недостатка серого мозгового вещества верил безусловно, разделаться и с ней. Лишь позднее стало известно, что Гесс летал, чтобы добиться обязательств не вступать в войну на стороне СССР до 1944 года. Черчилль сам проговорился о том 4 сентября 1941 года в беседе с советским послом Майским.

Друзей на Западе у Советского Союза, а уж если говорить прямо – у России, – нет и никогда не было.

На полёт Гесса надо было реагировать немедленно. Сталин отдал распоряжение наркому обороны Тимошенко провести крупные учения воздушно-десантных войск с использованием максимального количества войск! Тем более, вывод соединений и объединений на учения – лучшая форма боеготовности! Это упреждение в развёртывании! Сталин знал, что многие войны начинались именно с учений, понимал, что это своеобразное упреждение в развёртывании несколько охладит пыл агрессора.

6 мая 1941 года нарком Военно-морского флота СССР адмирал Кузнецов представил Сталину донесение военно-морского атташе в Берлине капитана 1-го ранга Воронцова, который сообщал, что «...со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налёты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...».

Как знать, может быть, крупные учения воздушно-десантных войск и заставили отложить дату, если она не была заведомо ложной информацией в полном объёме. Впрочем, Кузнецов и сам высказал сомнение в том, что информация правдива: «Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, с тем чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР».

По распоряжению Сталина была издана директива по призыву около 800 тысяч резервистов с целью укомплектования до полного штата целого ряда соединений. Через несколько дней снова призыв. На этот раз около 300 тысяч.

Число призывников ограничивалось умышленно, чтобы Гитлер не мог придаться и заявить о проведении в Советском Союзе мобилизации.

Гитлер продолжил переброску войск с Балкан к границам России.

Сталин поручил Молотову дать задание послам говорить открыто о «большом сосредоточении войск на наших западных границах» и подбросить руководителям рейха сообщение о нашей решительной подготовке к отражению агрессии в связи с концентрацией германских войск на границах СССР.

Руководители рейха, живущие и творящие зло по понятиям, проговаривались, что готовы использовать против СССР химическое и бактериологическое оружие. Сталину доложили об этом, доложили, что на склады близ границ СССР доставлены соответствующие боеприпасы.

Сталин тут же сделал ответный ход. Он сказал Лаврентию Берии:

– Поскольку немцы первыми взялись за планирование и подготовку применения этого страшного и бесчеловечного оружия, мы должны дать адекватный ответ. Прошу довести до сведения руководителей рейха следующее: если они пойдут на это, советская бомбардировочная авиация нанесёт удары по Берлину и другим городам. Причём мы ударим как раз теми средствами, о применении которых они мечтают.

Через некоторое время Сталин получил сообщение о коварных ходах английской разведки, которая пыталась убедить Гитлера, что, если он решит провести десантную операцию на Британские острова, Советский Союз нанесёт удар Германии в спину.

Подумав, Сталин сказал:

– Вот сейчас, сегодня – не вчера и не завтра, а именно сегодня нам это на руку. Поддержите дезинформацию. Подбросьте англичанам данные о том, что мы, хоть и имеем договора с рейхом, считаем необходимым покончить с господством его на континенте.

Посол СССР в Берлине Деканозов в мае сорок первого был вызван в Москву для необходимых консультаций. 5 мая германский посол в СССР Шуленбург, зная о его нахождении в столице, пригласил на завтрак, на котором присутствовали также советник германского посольства Хильгер и переводчик Сталина Павлов. Шуленбург, не таясь, заявил:

– Господин посол, может, этого ещё не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь вам сообщить государственную тайну номер один: передайте господину Молотову, а он, надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение двадцать второго июня начать войну против СССР. Вы спросите, почему я это делаю? Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией...

Когда Деканозов доложил о разговоре, Сталин отнёсся к заявлению германского посла настороженно и сказал:

– Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов.

Тем не менее надо было давать ответ и в этом случае – ответ через Деканозова. Германский посол встречался с Деканозовым ещё два раза – 9 и 12 мая, и на встречах они обсуждали, как снизить опасность вооружённого конфликта, способного перерасти в большую войну.

12 мая Деканозов по поручению Сталина предложил Шуленбургу подготовить совместное коммюнике, в котором разоблачить слухи, объявить, что они «не имеют под собой основания и распространяются враждебными СССР и Германии элементами».

Шуленбург согласился и попросил:

– Мог бы Сталин направить письмо Гитлеру, в котором содержалось бы предложение выпустить данное коммюнике.

Сталин видел, что Шуленбург ратует за мир, он помнил, что посол был одним из инициаторов и радетелей договора о ненападении, чуть ли не искренним почти что в единственном числе. Но Сталин пока не мог понять, действует ли германский посол исключительно по личной инициативе или всё-таки выполняет задание по дезинформации. Особенно заявляя о скором нападении Германии на Советский Союз.

Сведения о скором нападении Германии поступали уж слишком часто и не только непосредственно от разведки, но и по другим каналам. То проговорится офицер, то посол сделает сообщение. Это неспроста. После одного из совещаний Сталин попросил задержаться для разговора генерала Ермолина.

С 11 марта 1941 года генерал-майор Павел Андреевич Ермолин являлся начальником Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба Красной армии. Многие совершенно секретные вопросы ему приходилось решать непосредственно со Сталиным, причём бывали и такие проблемы, которые Сталин доверял только ему, не доводя их даже до наркома и начальника Генерального штаба. Конечно, тут имели место и личные взаимоотношения. Сталин всецело доверял Ермолину и относился к нему с большим уважением и, как к очень немногим, обращался по имени и отчеству.

– Павел Андреевич, – сказал он. – Не кажется ли вам, что мы получаем уж слишком много сведений о начале войны. Ну кто же разглашает такие тайны? Что за всем этим кроется? Черчилль сообщает, что Гитлер нападёт на нас тридцатого июня, наш военный и военно-морской атташе Воронцов докладывает, что какой-то болтливый немецкий офицер тоже назвал дату нападения. Причём данные Воронцов получал неоднократно, только даты постоянно меняются.

Тут действительно было о чём подумать.

Для чего сведения подобного рода подсовывались нашим разведчикам? Для того чтобы держать руководство СССР в постоянном напряжении? А быть может, чтоб случилось так, как в известной крохотной басне Льва Толстого «Лгун»?

«Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

– Помогите, волк! Волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два, и три раза, случилось – и вправду набежал волк.

Мальчик стал кричать:

– Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, – не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо».

Вот от той басни и произошла пословица: «Не кричи: “Волки!”»

Вряд ли малограмотное руководство рейха, не знающее не только зарубежной литературы, но и своей, могло читать эту басню. Но басня-то родилась не на ровном месте. Действительно, если долго пугать чем-то одним и тем же, в нужный момент помощь не придёт.

Сталин понимал, что все попытки убедить его в скором начале войны имеют хитроумные и коварные цели. Гитлер размышляет: не поверит вовсе – возьмём внезапно, поверит и подведёт войска – окружим и разгромим так, что весь командный состав поляжет в котлах, объявит мобилизацию – сделаем агрессором.

Так что Гитлер запускал подобные многоходовки неслучайно.

И вот теперь, высказав своё мнение, Сталин хотел послушать, что скажет Ермолин, помолчал, быть может, вспомнив и пословицу, и басню Льва Толстого – он в отличие от бескультурных деятелей рейха был образован, начитан, грамотен.

В разговоре с генералом Ермолиным Сталин пытался решить главный вопрос – подводить или не подводить войска к государственной границе. Он чувствовал подвох, но до конца оценил его чуть позже. А пока и он, и Ермолин придерживались одного мнения.

Ермолин сказал, что необходимо очень хорошо подумать, прежде чем принять окончательное решение.

Сталин задал вопрос:

– Так не кажется ли вам, что Гитлеру нужна наша мобилизация? Гитлеру нужно, чтобы мы развернули свои главные силы у границ?

– Товарищ Сталин, – сказал, наконец, Ермолин. – Нас провоцируют. Подводить войска к границам из глубины нашей территории нельзя. Мосты в приграничной полосе не выдержат танков и тяжёлых орудий. Надо учесть и то, что немецкие железные дороги имеют пропускную способность двести двадцать эшелонов в сутки, а наши только восемьдесят. К тому же от старой границы до новой далеко не везде перешиты железнодорожные пути. Мы не сможем подбрасывать резервы, боеприпасы, не сможем проводить манёвры. К тому же численность наших Вооружённых сил – два миллиона девятьсот тысяч человек, причём один миллион – на Дальнем Востоке, против Японии, да ещё довольно значительные силы – свыше тридцати дивизий – против Турции.

Эти данные впоследствии были подтверждены разведкой – Гитлер имел на восточном фронте пять с половиной миллионов человек. Исходя из условий местности, состояния железных и автодорог, и планировалось сдержать агрессора активной обороной, даже если потребуются оставить часть территории, под прикрытием оборонительных действий провести мобилизацию, а потом уже ударить по противнику, измотанному в боях за прочно удерживаемые нашими войсками рубежи.

Подумав над словами Ермолина, Сталин сказал:

– Пожалуй, вы правы. Подводить войска не будем. Тем более в приграничных округах сил вполне достаточно и в Западном Особом военном округе, и в Киевском – тоже.

– В Киевском даже больше сил, чем в Западном, – уточнил Ермолин. – Не понимаю по какой причине, но нарком обороны и начальник Генерального штаба в первую очередь направляют пополнения и боевую технику именно туда.

Для Сталина это явилось новостью, и он отметил про себя, что надо бы проверить, в чём тут дело. Ермолину же сказал:

– Ну ничего. Мы усилим Западный Особый военный округ шестнадцатой армией генерала Ерёмченко. Она уже начала передислокацию. Правда, мы тут же получили ноту Берлина, в которой задан вопрос, по какой причине мы выдвигаем из районов Сибири и Дальнего Востока эту самую шестнадцатую армию.

– Откуда же они узнали? Ведь армия передислоцируется в обстановке особой секретности.

– Вот и меня интересует этот вопрос. Это, конечно, наше дело – передислокация соединений и объединений, но особенно провоцировать Берлин не стоит. Они только и ищут, к чему бы придраться, чтобы сделать нас поджигателями войны. Понимают, что тогда обстановка в мире может резко измениться. И если сейчас у нас есть большие надежды на то, что Англия и Соединённые Штаты не выступят на стороне Гитлера, то тогда... – Сталин остановился, раскуривая трубку, и закончил фразу: – Тогда всё может быть. Нам нужно смотреть в будущее. Нас и так попытаются обвинить в агрессивности, обвинить беспочвенно. А если дать им почву, значит, только помочь и теперь решить свои агрессивные задачи, и в будущем организовать клеветнические нападки.

Отдыхали так, чтоб надолго...

После окончания академии всем выпускникам полагался очередной отпуск перед поездкой в пункт назначения. Собирался на отдых и старший батальонный комиссар Михаил Посохов, окончивший Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Но перед отпуском ему посчастливилось принять участие в необыкновенном торжестве в Кремле.

После официальной части был объявлен небольшой перерыв. Выпускники академий ходили по залам Большого Кремлёвского дворца, с интересом осматривая необыкновенное убранство. К концу тридцатых в официозе уже не так резко звучали выпады против русских государей, бережнее стали относиться власти к наследию России. Чего стоил один только Георгиевский зал, где на стенах были высечены золотом имена георгиевских кавалеров.

Посохов вышел из зала, где происходила официальная часть, вместе со своими однокашниками по академии, но в какой-то момент оторвался от них и оказался один. Тогда-то он, кавалер ордена Красного Знамени за Испанию, заметил молодого капитана, у которого тоже сиял на кителе боевой орден. Какие-то чёточки лица капитана, едва уловимые чёточки, показались знакомыми, и Посохов решил, что капитан тоже побывал в Испании – там он его и видел. Капитан был роста выше среднего, строен, подтянут, лицо открытое, приятное лицо. Русые волосы причёсаны аккуратно, взгляд твёрдый, несколько даже суровый взгляд.

– Товарищ капитан, – сказал Посохов, остановившись у орденосца, рассматривавшего списки кавалеров ордена Святого Георгия в Георгиевском зале, – орден за Испанию?

Вопрос понятен – среди выпускников основных курсов не могло быть участников боёв на реке Халхин-Гол и в Финляндии. В то время, когда шли там бои, все, присутствующие здесь выпускники, сидели за академической партией.

Капитан обернулся на голос и ответил:

– Нет, товарищ старший батальонный комиссар, орден я получил за бои на озере Хасан. – А затем представился, как, собственно, и положено в разговоре со старшим по званию: – Капитан Теремрин.

Обменялись рукопожатием.

– Просто лицо показалось знакомым, – пояснил Посохов.

Теремрин внимательно посмотрел и тоже отметил в лице что-то такое, словно бы знакомое. Немного, отдалённо, но знакомое. Черты чем-то знакомы.

– Ну а я за Испанию! – сообщил Посохов. – Академия Фрунзе? – спросил он, приглядевшись к петлицам.

– Да, её, родимую, окончил, – кивнул Теремрин.

Посохов хоть и не подал виду, но не мог отделаться от мысли, что не только лицо знакомо, почему-то показалось, что знакома ему и фамилия капитана.

«Теремрин, Теремрин! Слышал ведь, точно слышал эту фамилию. Неужели?!» – мелькнуло в голове, но только хотел продолжить разговор, как объявили об окончании перерыва и всех пригласили в зал.

Посохов хотел составить компанию Теремрину, чтобы поговорить, но тут отвлёк один из однокашников, воскликнув:

– Пойдём, пойдём, что стоишь...

Посохов обернулся:

– Да, да, сейчас, – но его уже окружили друзья-товарищи по академии, предлагая на банкете держаться вместе.

– Да-да, – невнятно буркнул Посохов, осматриваясь вокруг и пытаясь отыскать глазами капитана, но его и след простыл.

Ну а дальше пошли тосты, среди которых и самый главный – Сталинский.

После банкета выходили всё так же группой «академиков-ленинцев». Посохов всё же попытался отыскать того капитана, но народу было столько, причём одетого почти одинаково, что сделать это было практически невозможно.

В общежитии с нетерпением ждали жена и сын с дочерью. Да, выпуск – праздник! И отпуск в отличие от Теремрина Посоховым был распланирован прямо по поэме Константина Симонова «Иван да Марья», только без Крыма, но зато с Волгой, правда, без далёкого по ней путешествия. Всё было короче: «В Сочи месяц...» Решили отдыхать «так, чтоб надолго». И не то чтоб уж прямо так «в воду глядели», не то чтоб думали, будто отпуск этот последний, а всё же тревожно было. Ну а потом, на завершающие деньки отпуска планировали поездку на Волгу, в небольшой, живописный городок Старица, что на самом берегу великой русской реки в Калининской области. Ну а что касается окончания отпуска, то ведь, казалось, не последний, хотя, конечно, если бы Посохов в июне сорок первого услышал песню на стихи Шпаликова «Рио-Рита, Рио-Рита – вертится фокстрот», то не согласился бы с бравурным её тоном: «Ничего, что немцы в Польше, но сильна страна. Через месяц, и не больше, кончится война». Но песня была написана после войны, а в сорок первом её автору было всего четыре годика.

Тем не менее песня отражала дух того времени. Многие, очень многие смотрели в будущее с оптимизмом. Но военные так смотреть не могли. И на встрече в Кремле Посохов ещё раз убедился, что враг, с которым скоро придётся сразиться, не прост, что сил у него много, потому что на него услужливо работает вся Европа.

Посохов получил назначение в распоряжение командующего Одесским военным округом и должен был после окончания отпуска прибыть в Одессу. Ну а жена с детьми, пока он не обоснуется на новом месте службы и не получит жильё, решила пожить у родителей в Старице.

– Ну что, осталось совсем немного! – сказал Посохов как можно более беззаботно. – Получим дипломы, отметим выпуск, ну там ещё кое-какие дела, а потом – отпускной билет и предписание в Одессу, город у моря.

– Урр-ра! – дружно закричали дети. – На море, на море!

– Ну, Одесский военный округ – это ещё не значит, что море. А пока впереди море, – сказал он детям. – Так что начинайте собираться.

Дети, сын и дочка, семилетние Василёк и Танечка, родились двойняшками и росли на радость родителям, души в них не чаявшим.

Для них путешествие в отпуск – событие! Море только на картинках да в кино видели! А тут – целый месяц. Прежде отдыхали у бабушки с дедушкой на Волге. Посохову летом редко удавалось получить отпуск. Лишь время учёбы в академии – исключение, да только детки маловаты были, чтобы с ними пускаться в дальние путешествия. Одно дело добраться до родителей жены, где при переводе на другое место службы можно их на какое-то время и оставить. Вот и теперь так порешили, что на этот раз жена побудет с детьми в Старице. Время сложное, лето может быть жарким – он имел в виду сплошные учения, полевые выходы, да и не только... Ему ли не понимать, что грозой пахнет в воздухе.

Жена Антонина Ивановна, настоящая русская красавица, светловолосая, голубоглазая, несколько располневшая после родов, что, впрочем, только добавило привлекательности – ну просто кровь с молоком, – всегда весёлая и жизнерадостная, теперь часто печалилась. Предстояла первая долгая разлука, и она постоянно заговаривала о том, что готова к любым испытаниям, и очень просила как-то всё решить поскорее, до сентября – то есть до начала учебного года. Она, школьная учительница, хотела начать новый учебный год на новом месте службы мужа. Но за всем этим стояло прежде всего нежелание долгой разлуки.

Посохов как будто бы соглашался, хотя не слишком он верил в мирное и спокойное начало нового учебного года. Он повторял одно и то же, разве что для успокоения жены:

– До конца лета, как и решили, поживёшь у родителей, а как устроюсь, приеду за вами. Сразу всех и заберу.

У Посохова никакой родни, кроме жены и детей, не было.

Кто он и откуда родом, сам толком не знал. Детдомовский. Помнил лишь, что мать звали Анной, чаще Аннушкой, во всяком случае, так называл её барин, в поместье которого она служила по дому. Даже отчества матери в памяти не осталось.

Родился, по всей вероятности, в помещичьей усадьбе. Кто был отец, ему никто и никогда не рассказывал. Стоял помещичий дом на возвышенности, с которой хорошо были видны церковь Спаса и всё село Спасское. Открывалась с высокого крыльца широкая пойма реки Теремры с затонами, которые звались Тихими. От них, должно быть, и деревня, примыкавшая к селу, именовалась Тихими Затонами.

Помнил смутно, что был у помещика сын Алексей, который приезжал на каникулы сначала юнкером, затем офицером. Привозил из города подарки, с удовольствием играл с ним, рассказывал всякие военные истории. Перед самой войной сын помещика женился на дочери местного священника – отца Николая. Ну а потом началась Первая мировая... Алексей ушёл воевать, но после войны, когда грянула революция, больше уже в усадьбе не появлялся, хотя и рос у него сынишка. Впрочем, было тогда Посохову лет слишком мало, и не всё запомнил, потому что многое и незачем было запоминать. А вот о том, что местные сплетницы судачили, будто он – сын барина, хоть и слышал лишь краем уха, ибо в глаза ему такое говорить побаивались – а ну как барину скажет, – но запомнил.

Особенно сильно врезалась в память беда, которая внезапно навалилась на него, на мать и на барина, у которого они жили...

Впрочем, в тот отпускной май особенно копаться в воспоминаниях и ни к чему было. Сборы всегда радость, если сборы на отдых, да ещё всей семьёй, особенная радость для детишек. Всё волнующе, всё торжественно. Поездка на вокзал, шествие по перрону и, наконец, скорый поезд, купе.

И вот уже за окном проплыли городские окраины и открылись необыкновенные пейзажи Подмосковья. В Туле, где поезд стоял всего несколько минут, Посохов успел выскочить из вагона и закупить знаменитых тульских пряников, наверное, в той же палатке, которую незадолго до него посетил Теремрин.

Когда попили чай с душистыми пряниками, Посохов вышел в коридор, чтобы распрямиться и размяться после долгого сидения на диване купе. И вдруг услышал случайно обретенную пассажиром, стоявшим у окна, фразу:

– Сейчас будет станция Лазарево, а от неё рукой подать до Толстовских мест.

Это пояснил стоявшей с ним рядом женщине – вероятно своей жене – мужчина средних лет. Бросились в глаза пенсне и чеховская борода.

Услышав о том, что Толстовские места, оказывается, где-то здесь, в районе какого-то Лазарева, Посохов не выдержал и, рискуя быть бестактным, спросил:

– Извините, а разве мы Ясную Поляну ещё не проехали?

Пожилой мужчина – ну ни дать ни взять учитель или врач – осмотрел молодцеватого военного, оценил три прямоугольных «шпалы» в петлицах и красные звёзды с серпом и молотом на рукавах, улыбнулся и мягко, как-то очень по-учительски, сказал:

– Товарищ старший батальонный комиссар! Я имел в виду Пирогово, а не Ясную Поляну. Отсюда до села Пирогово рукой подать. А в селе Пирогово находилось имение, принадлежавшее любимой сестре Льва Николаевича Марии Николаевне, в которую, кстати, был влюблён другой наш замечательный писатель Иван Сергеевич Тургенев.

– Пирогово? – переспросил Посохов и повторил: – Пирогово, Пирогово... Кажется, на реке Упе?

– Да, через село протекает река Упа, приток Оки, – подтвердил нежданный собеседник.

– А есть там ещё река Уперта? – снова спросил Посохов, извлекая из дальних кладовых памяти что-то очень далёкое, почти что совсем забытое.

– И река Уперта есть, и река Теремра...

– Как вы сказали? Теремра? Странное название...

– Ничего странного, молодой человек... Вы извините, что я вас так назвал, но для такого высокого звания вы молоды...

Действительно, для возраста Посохова, который, кстати, в точности он и сам не знал, звание старший батальонный комиссар, приравнивавшееся к званию подполковник, было достаточно высоким.

– Ничего удивительного, – продолжал собеседник. – Места-то здесь какие! Терем Бога Ра! Недаром и река так названа в незапамятные времена: ТеремРа!

– Ещё раз извините меня за назойливость, – сказал Посохов, – а не можете ли вы назвать, если, конечно, бывали здесь и знаете, ещё какие-то сёла или деревни близ Пирогово?

– Конечно, могу... Село Ржаво, деревни Ивановка и Скородумово, Мясновка, село Спасское, которое, кстати, фактически срослось с деревней Тихие Затоны. Чувствуя, что вам знакомы эти места?

– Думаю, да... Просто от них веет далёким, очень далёким детством.

– Вот как?! Интересно. Может, я чем-то могу помочь? Что-то напомнить о краях этих? Бывал я здесь сразу после революции и Гражданской войны, бывал, – сказал он задумчиво. – Да... Так что же вас интересует?

– Вам знакома фамилия Теремрин?

– Ну как же, как же, слышал. Жил тут помещик с фамилией такой... Жил... Был он военного сословия, да и сын его по стопам предков пошёл.

– А его судьба вас известна? Я имею в виду сына...

– Погиб на германской.

– А сам помещик? – спросил Посохов, затаив дыхание.

– Сам-то, сам... Нет, запомнил имя и отчество. Так вот он-то революцию пережил, потому как в отставке уже находился и давно уж понемногу учительствовал, даже школу построил. Да и вообще крестьянам помогал. Кстати, многие с ним с войны приехали, где он геройствовал – кавалер георгиевский.

– А какова судьба его, этого помещика? Что с ним стало в революцию и Гражданскую?

– Погиб он, тоже погиб... Крестьяне-то пощадили, и дом даже не разрушили, и местная власть не трогала, поскольку не противился ей, а, наоборот, помогал. Но приехал комиссар... Фамилия такая... Нет, запомнил... Неприятная фамилия. Приехал с отрядом карательным. Дом окружили. Комиссар потребовал, чтобы помещик немедленно вышел из дому. Послал за ним двух карателей. Но в ответ прогремели выстрелы, и оба пали замертво уже почти на пороге дома. Комиссар поскакал прочь, но и его достала пуля. Он слетел с лошади и по-бабьи завыл на всю округу, но, как потом говорили, рана оказалась не смертельной...

И тут как гром от рассказа об этих выстрелах прогремел где-то в глубинах памяти Посохова.

«Да, да! Расстреляли барина прямо перед домом. Он только и успел крикнуть матери Посохова: «Аннушка! В лес, в лес беги. Да через дом, через дом». – Это уточнение было не совсем понятно, но запомнилось ещё: «Береги сына. Береги Мишутку!»»

Он, правда, не уточнил, чьего сына. Может, он просто велел Аннушке беречь её сына.

А дальше запомнилось, как мать подхватила его, поспешно втокнула в какую-то тёмную комнату, где был в полу люк. Они спустились в подпол, и мать тут же, при помощи какого-то хитрого приспособления, завалила за собой вход. Встретила сырость подземного туннеля. Они пошли куда-то в глубину и через некоторое время выбрались в лес. Мать снова довольно сноровисто произвела какие-то непонятные ему действия, и выход из туннеля исчез из глаз. Лишь теперь он понял, что помещик, у которого они жили, всё хорошо продумал, оборудуя этот тайный выход далеко в лес.

В лесной чаще они с матерью, по существу, спасённые этим инженерным устройством, просидели дотемна. Мать плакала и что-то причитала. Едва стемнело, они пошли полем к другому лесу, темнеющему вдаль. Лес пересекала глубокая балка, по которой они выбрались к таинственному месту – к огромным белым валунам. Часто они с матерью, когда хаживали по грибы да по ягоды, подходили к тем загадочным валунам. Вспомнилось, как он лазил по ним. Откуда могли взяться в тех краях огромные камни, если на многие километры ни одной горы или горочки – всё поля да леса. Жутковато было возле тех камней, жутковато от какой-то глубокой тайны Вечности, тайны Вселенной.

Вспомнив о тех валунах, Посохов хотел расспросить о них попутчика с бородкой – он-то небось знал что-то такое, чего не знали другие. Но тот неожиданно извинился, что не может продолжать разговор, и скрылся в купе. А Посохов, оставшись у окна, предался воспоминаниям.

...Они всё дальше уходили от родного села. Мать о чём-то думала и нашёптывала негромко:

– В Скородумово к бабе Маше? Нет, нет... Опасно. А если в Пирогово к тётке?!

Под утро пошёл дождь, мелкий, надоедливый, осенний.

– Мам, холодно, я весь промок, – говорил Мишутка.

– Ну что ж, тогда бежим к тётке Нюре в Пирогово.

В темноте подкрались к дому и едва достучались. Громко-то мать дубасить в дверь боялась. Зачем внимание соседей привлекать? Постучала в одно окошко, затем в другое, и наконец кто-то отодвинул занавеску и приоткрыл форточку:

– Хтой-то там?

– Я, тётъ Нюр, это я, Аня.

– Чой-то? А-а... Бегу, бегу. Ступайте к двери.

Отогрелись в тёплом доме чаем, Мишутку отправили на печку к хозяйским детям. Но он не мог сразу уснуть, слушал. Мать куда-то собиралась, а тётка и дядька её отговаривали. Доносилось приглушённое:

– Нет, я должна, должна...

– Да ведь опасно же...

– Я должна...

Вскоре скрипнула входная дверь. Ушла мать в ночь, в дождь.

Когда Мишутка проснулся, её ещё не было. Сели завтракать, а потом тётка Нюра, взяв коромысло, отправилась к колодцу – там место сельских новостей.

Вернулась испуганная, расплескав всю воду. С порога сообщила:

– В Спасском-то, в Спасском дом барский сгорел и там, сказывают, комиссар сгорел – не успел выбраться. Это тот, которого тамошний барин подранил. – А потом тихо так сказала, обращаясь к Мишутке: – Поймали, сказывают, твою мамку-то, сказывают, поймали и прибили. Тебя, сказывают, теперича ищут.

И уточнила, что подручный комиссара приказал доставить к нему буржуйского отпрыска живым или мёртвым.

Мишу весь день прятали на гумне, а сами, видно, совет держали – что делать-то? Прознают, что родичи в Пирогово, придут и быть беде. Решили, что надо ему скрыться. А как? Вроде и не по-людски, вроде и не по-русски, да только ночью муж тётки отвёл его далеко от деревни. Благо потеплело и дождь прекратился.

Остановились близ города, и сказал дядька на прощание:

– Ты, Мишаня, забудь, из какого села идёшь и как звать мамку твою. А пуще всего забудь имя барина. Не то, так я думаю, не сносить тебе головы. Не сносить...

Он смахнул со щеки слезу.

– Вот тебе, Мишаня, посох на счастье. Я с ним на заработки в город хаживал. Ступай, поищи приют. Я б сам тебя туда отвёл, да как бы лишних вопросов не стали задавать. Как отвечать? А ты ничего не знаешь, ничего не помнишь! О барине совсем не поминай! Да и мамкино имя тоже забудь, надолго забудь. Понял? Говори, что давно бродяжничаешь...

Всё «забыл» Мишаня, хотя как совсем-то забудешь, если фамилия помещика была чем-то созвучна с названием реки, на которой стояло село. Река Теремра! И вот теперь услышал, что это – Терем Бога Ра!

От реки и пошла такая непривычная для тех мест фамилия. В селе много было Савельевых, Тулиновых, были, как водится, Ивановы.

Как сквозь туман, окутавший прошлое, прорезывалось то, что произошло. Прямоком пошёл в город, но, напуганный предупреждениями, что его ищут каратели, долго ещё по улочкам бродил, хотя чего ж им в городе-то искать? Вот уж и день новый занялся, осенний день. Городок, название которого теперь уж стёрлось в памяти, утопал в золотистой листве.

Видел стайки бродяг, снующих по улицам. Быстро так появлялись из подворотен и так же быстро исчезали. Пристать к ним побоялся – чужака не примут. А тут как раз облава на них. Заодно и его изловили. Привели в приют, втолкнули в какую-то комнатку, где мужчина в белом халате спросил строгим голосом:

– Звать как?

– Михаилом.

– А фамилия?

– Почём я знаю? Отца в ту ещё войну прибило, а мать померла.

– Так уж и не знаешь? Да брось ты эту свою палку.

– То не палка, то посох мой...

– Посох? Вот и запишем тебя Посоховым. Запомнишь?

– Запомню.

– Лет сколько?

Пожал плечами. Сказано было мужем тётки ни слова о себе – не помню и всё. Так и ответил, что знать не знает. Проворчал что-то человек в белом халате, да и записал наугад – «девять лет». Почему девять? Может, для ровного счёта – шёл 1919 год. Ну и рождение, стало быть, выпадало на 1910-й. Днём рождения сделали день записи данных при поступлении в приют, из которого он потом был отправлен в детский дом уже с фамилией Посохов.

А что? Фамилия неплохая, даже чем-то духовным от неё веет.

Записали, что сирота. Ну а сирота и есть сирота. Графа о родителях пуста. Кто он был? Крестьянский сын? Всё дала ему советская власть – всё: кров, образование, товарищей и путёвку в жизнь. И вдруг подумалось, что, не случись революции, как знать, может, и по-иному сложилась бы судьба, если он действительно сын барина. Сын? Байстрюк – так внебрачных детей называли. А какова у них судьба? Разная судьба, очень разная.

В этот момент подумалось, что защищать ему предстоит не только советскую власть – защищать предстоит Россию. Вот иногда можно слышать, что враг ненавидит Советский Союз, потому что это государство рабочих и крестьян. А почему тогда ходил походами издавна, с времён, самых незапамятных. Почему устроил смутное время, почему тёмные силы направили сюда Наполеона, почему западные страны напали соединёнными силами в 1853 году, атаковали Валаам, Петропавловск-Камчатский, а в 1854 году вместе с Турцией – Крым, Севастополь?

Жена прервала раздумья, заинтересовавшись:

– С кем это ты разговаривал?

Посохов пояснил. Ну а жена, знавшая короткую родословную мужа и не слишком приветствовавшая поиски истоков, покачала головой да спросила:

– Всё хочешь выяснить корни свои? А вдруг они у тебя не совсем пролетарские? Как бы хуже не вышло. Времена-то какие!

– Да я ж аккуратно... Мало ли для чего мне это нужно знать.

Между тем поезд уже оставил далеко позади Тулу, Щекино, приближался к небольшой станции Лазарево, о которой и зашёл разговор в коридоре вагона.

Сначала проплыл за окном переезд со шлагбаумом, затем слева по ходу поезда открылась низина с озерком внизу, в котором плавали гуси, но скоро все заслонил стоящий на запасном пути рабочий поезд, пропускавший скорый. Посохов быстро вышел из купе, чтобы посмотреть на станционное здание, что должно было, вероятно, открыться справа. И вдруг! Нет, этого не могло быть, но это было... Он увидел бодро шагавшего по платформе капитана, того самого капитана, с которым разговаривался перед неофициальной частью приёма в Кремле. Сверкнул на груди капитана яркий, горящий революционным пламенем орден Красного Знамени.

– Теремрин! – прошептал Посохов и почувствовал, что жена, которая вышла из купе следом, мягко положила ему на плечо руку:

– Тише! Какой ещё Теремрин? Где Теремрин? Ты уж, милый мой, бредить начал. Совсем, бедняжка, заучился...

И платформа, и капитан, вышагивавший по ней, и станционное здание – всё уже скрылось. Из вагонного окна невелик сектор обзора.

Посохов поспешил вернуться в купе. Там и сказал жене, вошедшей следом:

– Я видел на платформе того капитана, которого встретил в Кремле и который представился Теремриным!

– Тебе, наверное, показалось. Откуда он здесь?

– Здесь-то как раз ему и быть!

– Обознался?!

– А орден Красного Знамени!

– Из окна рассмотрел?

– Этот орден, сама знаешь, издали видать!

Что ж, с этим жена не могла не согласиться. Когда Посохов вернулся из Испании, причём вернулся через Москву, где Михаил Иванович Калинин вручил ему и другим отличившимся командирам награды, она встретила его на станции Старица, что в двенадцати километрах от города.

Его вагон проплыл мимо – она неправильно рассчитала, где ждать. Побежала за поездом, замедлявшим бег, и увидела, как высокий, статный военный спрыгнул с подножки, и прежде чем она узнала в этом военном своего мужа, ослепило её яркое и сияющее орденом на его кителе! Орден Красного Знамени сделан действительно здорово и виден издали.

А между тем поезд миновал Плавск и стал замедлять ход перед длинной, по обыкновению, стоянкой на узловой станции Скуратово.

Вышли на платформу. А навстречу крестьянки окрестных сёл и деревень с самой разнообразной снедью. Огурчики солёные, картошка варёная в мундире, а вот лук зелёный и редисочка уже урожая этого года...

Накупили всего понемногу, чтобы устроить обеденный пир горой. За обедом незаметно промелькнули за окном Чернь и Мценск, город, которому суждено было уже грядущей осенью войти в военную историю страны. Потом Орёл, тоже стоявший на пороге своей знаменитости, которая коснулась его уже в сорок первом, а просияла в сорок третьем году.

После короткой остановки в Орле поезд снова набрал скорость и пошёл ровно, с монотонным перестуком колёс.

Дорога немного разморила, даже сын с дочерью утомонились, и жена, кажется, задремала, а Посохов лежал с открытыми глазами на верхней полке, глядя на сгущающиеся сумерки за окном. Лежал и думал о превратностях судьбы. Неужели он, политработник, можно сказать, полпред партии в Красной армии, может быть сыном царского офицера?

Потом вспомнил о загадочных валунах. С них-то и решил начать разговор с недавним собеседником, ехавшим в соседнем купе. Тихонечко, чтоб не будить задремавших жену и детей, встал, вышел в коридор и постучал к соседям.

– К вам можно?

В купе сидели мужчина и женщина, но совсем не те, что были утром в коридоре.

– Простите, а здесь вот ехали...

– А-а-а, соседи то наши, что ль?! – переспросил мужчина. – Так они в Орле вышли.

Посохов уже хотел закрыть дверь, но задержался и ещё раз спросил:

– Вы не подскажете, а кто этот мужчина, с бородкой?

– Попутчик, – услышал в ответ. – Откуда знать кто. Вроде как учитель. Директор школы, а вот которой и где, не говорил.

О чём ещё было спрашивать? Посохов вернулся в своё купе. Пора было переключаться на отдых. То служба, то вот странное знакомство... Надо и детям время уделить. Пошутил:

– И что это мы на море собрались, когда теперь почти что на курорте служить будем. Одесса! Город у моря!

– На море, хотим на море! – почти одновременно закричали дети.

– И на Волге ещё успеют отдохнуть, – вставила жена. – Не думаю, что ты нас раньше осени заберёшь. Вон какая обстановка. А на зиму Гитлер нападать не решится.

– Это точно, – согласился Посохов и подумал: «Да, мы не Польша и не Франция».

«Всё! – ещё раз сказал он себе. – Теперь отдых и только отдых!»

Руст сорок первого? «Игра» продолжалась

В мае-июне 1941 года крупная игра на дипломатическом поприще продолжалась, набирая обороты и становясь с каждым днём всё напряженнее. Сплошь сыпалась дезинформация из самых различных источников. В дезинформацию включился и сам пахан преступной своры, захватившей власть в Германии, Гитлер, выкормыш бандитствующей европейской демократии.

15 мая 1941 года над аэродромом, расположенном поблизости от стадиона «Динамо», сделал круг огромный по тем временам трёхмоторный германский транспортный самолёт «Юнкерс-52». Этот аэродром, как и аэродром в пойме реки Москвы, мимо которого проходит Волоколамское шоссе, часто тоже называли в ту пору Тушинским. В последствии, уже после войны, он стал именоваться Центральным, известным тренировками парадного расчёта и генеральными репетициями парадов, проходивших на его огромном поле в советское время.

И вот чёрные кресты на крыльях впервые опоганили московское небо, приведя в смятение аэродромные службы. Каким образом, откуда появился этот самолёт? О таких гостях обычно предупреждало начальство, следовали инструкции, как встречать, что делать.

А тут раздался над полем гул моторов, самолёт сделал вираж, быстро снизился и покатился по взлётно-посадочной полосе.

Когда к нему подбежали бойцы и командиры из охраны, когда приблизились сотрудники НКГБ, по трапу спустился офицер люфтваффе и бодрым, слегка насмешливым и дерзким тоном сообщил:

– Прошу передать личное письмо фюрера господину Сталину!

Письмо забрали и отправили в Кремль.

Сталин поинтересовался, каким образом оно получено, и, услышав ответ, ещё не распечатывая конверта, велел вызвать к нему наркома обороны.

Затем не торопясь вскрыл письмо. Сразу стало ясно, что цель послания – объяснить сосредоточение немецких войск близ границ СССР. По этому поводу советская дипломатия уже не раз обращалась к дипломатии германской. Гитлер решил, по-видимому, сам лично снять все недомолвки дипломатов с помощью обращения к Сталину. В письме говорилось, что войска размещены близ границ СССР с целью введения в заблуждение английской разведки. То есть они предназначены для действий против Англии, но пока их держат на востоке. В своём письме Гитлер мудрствовал лукаво:

«Уважаемый господин Сталин, я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения её как государства...»

Тут нельзя было не согласиться – роль Англии определена точно! Действительно, уже много веков именно от Англии исходила угроза миру, именно Англия разжигала войны, стараясь отсидеться на островах, потирая свои жадные ручонки.

Ну что ж, лживые письма необходимо хоть чуточку сдабривать правдой, а мешать правду с ложью Гитлер и Геббельс были большими специалистами. Далее в письме начиналась явная и наглая ложь:

«(...) При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах, вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас, честью главы государства, что это не так. Со своей стороны я тоже с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск».

Сталин задержал внимание на выражении «честью главы государства». Более бесчестного, наглого, бесцеремонного и циничного правителя пока не знала история, разве что иные английские заправилы могли с ним сравняться, хотя бы те, что втянули Россию в Первую мировую войну, тоже «честью своей» обещая императору Николаю Второму проливы Босфор и Дарданеллы. Обратил внимание Сталин и на то, что Гитлер умышленно занижил цифры, указывающие на количество дивизий на границе, ведь уже было сосредоточено гораздо более ста...

Меж тем и далее письмо являло примеры цинизма и лицемерия.

«Таким образом, – писал Гитлер, – без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств, на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостоят в обстановке усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасаясь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдёт на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от её судьбы и сорвать мои планы».

Спасти Англию? Что ж, и тут была доля правды – в Германии было полно английских шпионов, начиная с Канариса.

Но в письме был также намёк на то, что любая искра, которая разожжёт пламя войны на границе, может позволить обвинить Советский Союз в агрессии. Сталин и здесь разгадал Гитлера. Гитлеру важно было заставить не реагировать на сосредоточения германских войск из опасения попасть в виновники разжигания войны, ну и благодаря этому заставить Красную армию врасплох. Он вряд ли мог рассчитывать на то, что застанет врасплох самого Сталина, но он старался принудить Москву посылать в войска сигналы о предельной осторожности, чтобы постараться достичь внезапности хотя бы на тактическом или, если получится, на оперативно-тактическом уровне.

Велика цена вопроса. Международная обстановка обострилась до наивысшего напряжения. В мгновение ока Соединённые Штаты Америки могли решить поддержать либо Германию, либо Советский Союз, а для того, чтобы помочь тем же штатам поднять общественное мнение против агрессора, создавшего даже видимость агрессии, достаточно было вот этой искорки, способной разжечь пламя.

Гитлер уговаривал, убеждал, и Сталин снова разгадал его, хотя Гитлер и усердствовал в своей лжи, пытаясь сделать её хоть немного похожей на правду. Он писал далее: «Речь идёт всего об одном месяце. Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы. При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не дать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи».

Вот оно, рассуждение об этих самых вооружённых провокациях. Генералы спровоцируют. Как бы не так! Не все в окружении Гитлера твёрдо верили в саму возможность победы над Советским Союзом. Даже посол Германии в СССР граф Шуленбург не верил... Правда, гитлеровские генералы были гораздо менее информированы о том, что их может ждать в случае войны. Им оставалось верить хвастливым заявлениям Гитлера и Геббельса о том, что война с Россией будет столь же лёгкой прогулкой, как и война во Франции. Гитлер клялся честью, которой у него отродясь не было.

Сталин видел, что всё написанное чистой воды ложь, поскольку имел свежие разведанные о том, что происходит в германском рейхе.

Несколько дней назад руководитель личной стратегической разведки Сталина генерал Лавров специально прибыл для сверхважного и сверхсекретного доклада. Начал с главного:

– Товарищ Сталин! Я прибыл, чтобы сообщить о том, что десятого мая в районе Кагула нелегально перешёл границу наш разведчик подполковник Лагутин. Он сообщил, что сведения, которые он добыл, не решился переправить с курьером.

– Лагутин, Лагутин. Да, да, помню. Он ведь занимал в Германии очень высокое место! – заметил Сталин.

– Так точно, Лагутин в чине группенфюрера СС состоял в ближайшем окружении Гитлера.

– Да, видно, что-то очень важное, если он решил его оставить, – резюмировал Сталин и спросил: – Где он сейчас?

– В Кагуле. Лагутин воспользовался окном, известным вам. Я уже выслал за ним самолёт.

– Хорошо. Будем ждать, – сказал Сталин и прибавил: – Как только Лагутин прибудет в Москву, сразу приезжайте с ним ко мне в Волынское. Я выезжаю туда.

В те дни почти каждый факт о том, что творится в логове Гитлера, был важен, но, если надёжно внедрённый разведчик принял решение оставить столь важное место, которое, естественно, было потеряно, значит документы того стоили!

Сталин ждал генерала Лаврова и подполковника Лагутина на «ближней даче». Он встретил их на крыльце и каждому крепко пожал руку, хотя было это не в его правилах. По обыкновению он приветствовал посетителей кивком головы. Пригласил в кабинет, указал на кресла. Спросил спокойно, сдержанно, без всякой торопливости, не спеша раскуривая трубку и приветливо глядя на Лагутина. Подтянутый, стройный, с волевым лицом, он производил хорошее впечатление.

– Слушаю вас, товарищ Лагутин.

– Товарищ Сталин, мне удалось ознакомиться с планом «Вариант Барбаросса» и его главным содержанием – замыслом «молниеносной» войны против нас. К сожалению, сфотографировать его не смог, но все детали я запомнил с фотографической точностью.

Он сделал паузу. Для непосвящённого такое заявление может показаться несерьёзным. Как это возможно? Целый план и с фотографической точностью. В ту пору ещё не было ни романа Кожевникова «Щит и меч», ни тем более фильма, главный герой которого, как и во всяком романе, лицо не конкретное, образ собирательный, но образ точный. Вспомним, как главный герой фильма запоминает огромную информацию о концлагерях, приговорённых гитлеровцами к уничтожению.

Что ж, вот и пример, что такое возможно!

О плане знали, о том, что он принят, разведка сообщала, но до сих пор не удавалось ознакомиться с его содержанием. И вот он доставлен разведчиком, правда, доставлен весьма и весьма своеобразно. План добыт, но его нет – нет самих документов. Документы только в памяти у разведчика.

Лагутин говорил спокойно, размеренно:

– Суть этого гитлеровского плана состоит в следующем. Получив достоверные данные о сосредоточении германских войск на границах Советского Союза и о дате нападения, Сталин должен, не объявляя всеобщей мобилизации, ибо это будет равносильно объявлению войны Германии, как в тысяча девятьсот четырнадцатом году, сосредоточить основные наличные у СССР вооружённые силы вдоль новых, фактически ещё не укреплённых границ Советского Союза. При этом советскому командованию придётся расположить в приграничных районах свои самолёты и танки на территориях, хорошо известных гитлеровцам, так как все оперативные карты переданы немцам польским генеральным штабом и генеральными штабами Лат-

вии, Литвы и Эстонии. После сосредоточения главных сил Красной армии на новых границах немцы без объявления войны осуществляют внезапное нападение и тремя группами армий – Север, Центр и Юг, а также четырьмя танковыми группами под прикрытием авиации, прорвут фронт. При более чем трёхкратном численном превосходстве гитлеровцев в живой силе и боевой технике, а на участках прорывов превосходстве огромном, особенно в танках и самолётах новых типов и при двухлетнем опыте ведения войны, успех, по мнению Гитлера, предрешён. Гитлеровское командование рассчитывает окружить основные силы Красной армии и полностью уничтожить их в огромных «котлах» близ границы. Таким образом, с регулярной Красной армией будет покончено и Сталину некуда будет призывать резервистов, поскольку не останется командного состава. После этого молниеносного и сокрушительного удара, наступлению в глубь СССР ничто уже не помешает и война окончится в течение нескольких недель, в крайнем случае – нескольких месяцев.

Далее Лагутин стал называть конкретные цифры и, попросив разрешения подойти к карте, показывать направления ударов.

Выслушав Лагутина, Сталин не спеша, как бы рассуждая сам и приглашая к размышлениям Лагутина и Лаврова, сказал:

– Вся стратегия Гитлера, таким образом, рассчитана на том, что ему удастся обмануть Сталина, на том, что Сталин придвинет войска к границам и даст их окружить и уничтожить. Что ж, из истории нам хорошо известен такой пример. Наполеон тоже рассчитывал на блицкриг, он тоже рассчитывал на генеральное сражение сразу после перехода через границу России. Генерал Барклай обманул Наполеона. Разведчики генерала Барклая, создавшего прообраз нашего Разведывательного управления – Особенную канцелярию, – сумели дезинформировать Наполеона и убедить в том, что сражение будет дано на границе. Мы тоже должны обмануть Гитлера. Никто не должен знать, что нам известен план «Вариант Барбаросса». Если Гитлер узнает, что мы разгадали его замысел, может предпринять что-то другое, нам неведомое.

– Но Наполеон взял Москву, – с тревогой сказал Лавров.

– Если бы не предательство барона Беннигсена, всё кончилось на Бородинском поле. Для нас теперь главное, чтобы наши войска достойно встретили врага и чтобы у нас не появилось своих Беннигсенов.

– Все, кто мог сдать Советский Союз Гитлеру, кто создавал план поражения, разоблачены, – сказал Лавров и тут же с сомнением прибавил: – Все ли?

– А кто сообщил Гитлеру о том, что мы, между прочим, в обстановке строжайшей секретности, начали передислокацию с Дальнего Востока на Украину шестнадцатой армией? А кто сообщил о том, что в руководстве Москвы обсуждались вопросы эвакуации москвичей и вопросы эвакуации промышленности на восток?

Сталин ещё не знал о грядущей катастрофе Западного Особого военного округа, которую организует генерал Павлов. В мае, казалось, ничто не предвещало её. И тем не менее был встревожен данными о глубоко законспирированных агентах рейха в руководящих органах страны и армии.

Что же касается генералов-предателей, готовых сдать Советский Союз Гитлеру, то Сталин имел своё мнение. Понимал, что разоблачены не все, ибо невозможно вычистить всю скверну, с первых лет советской власти насаждаемую Троцким в армии.

Сталин всё так же тихо, не спеша, сказал:

– Иудушка Троцкий – так называл его Ленин – долгое время был Председателем Реввоенсовета и фактически занимался комплектацией Вооружённых сил. Он продвигал удобные ему командные кадры.

Сталин сделал паузу. Он не стал рассуждать вслух. Но не мог не подумать: кто же они, эти предатели? Невозможно было назвать каждого поимённо, но он примерно догадывался кто:

ведь достаточно было обратить внимание на выдвиженцев Троцкого и первейшего троцкиста Тухачевского.

Как же быть? Очень просто – создавать такие условия, чтобы эти люди, уцелевшие после чистки, а потому в значительной степени деморализованные и утратившие возможность действовать так, как действовали при Троцком, а затем при Тухачевском, не могли вредить, а вынуждены были сражаться наравне со всеми.

Среди них, конечно, люди разные. Были и те, кто готов всё сдать Гитлеру, но были и такие, кто хотел с помощью германского нашествия, которое неминуемо создаст сложные условия в стране, перехватить управление у сталинской группы, и либо пустить всё по плану, намеченному «творцами мировой революции», либо просто вернуть кажущиеся им золотыми времена частной собственности и стать настоящими барами. Своими мелкобуржуазными умишками они не могли понять, что выше «князей из грязи» их лживые титулы подняться просто не могут. Для кого война – для кого мать родна!

Лагутин совершил настоящий подвиг. Допустим, то, что Гитлер планировал молниеносную войну, было известно и ранее, так же как вполне было ясно, что война неминуема. То, что Гитлер планирует наступление с использованием мощных танковых клиньев, тоже секретом не было. Но в директиве особо указывалось, что главная задача состоит в окружении и уничтожении дислоцировавшихся в западной части СССР советских войск. Особо подчёркивалась задача не допустить их отхода в глубь страны. Предусматривался быстрый выход на линию Архангельск – Волга – Астрахань, с которой советская авиация не способна достать города и важные военные объекты Германии.

Лагутин со всеми подробностями сообщил, как развивались события после того, как Гитлер подписал директиву «Вариант Барбаросса».

После утверждения «Варианта Барбаросса» Гитлером главнокомандующий сухопутных войск генерал-фельдмаршал фон Браухич подписал 31 января 1941 года директиву по стратегическому сосредоточению и развёртыванию вермахта. 3 февраля она была в присутствии Гальдера доложена Гитлеру.

И вот Лагутин сообщил:

– Поставлена задача стремительным ударом танковых клиньев групп армий «Север», «Центр» и «Юг» на большую глубину севернее и южнее Припятских болот разобщить и уничтожить главные силы советских войск и не дать им отойти в глубь территории.

– Основные направления ударов на Москву, Ленинград и Киев? – уточнил Сталин.

– На Москву и Киев! Именно на этих направлениях созданы наиболее мощные группировки.

Лагутин без запинки перечислил: в группе армий «Центр» 48 дивизий против нашего Западного Особого военного округа. В группе армий «Юг» – 40 немецких и дивизии сателлитов. В группе армий «Север» – 29 дивизий.

– Сколько же всего дивизий будет сосредоточено на наших границах? – задал вопрос Сталин.

– По данным, озвученным на совещании в конце апреля, предполагается довести общую численность дивизий в первом стратегическом эшелоне до ста пятидесяти семи, в числе которых семнадцать танковых и тринадцать моторизованных. Кроме того – восемнадцать бригад. В плане указано, что предполагается на пятые сутки захватить Минск, на восьмые – выйти на линию Каунас – Барановичи – Львов – Могилев-Подольский, на двадцатые сутки достичь рубежа: Днепр (до района южнее Киева) – Мозырь – Рогачёв – Орша – Витебск – Великие Луки – южнее Пскова – южнее Пярну. Затем предполагается двадцатидневный отдых для пополнения войск и перегруппировки. На сороковой день войны планируется вторая часть наступления, во время которой предполагается захват Москвы, Ленинграда и Донбасса.

– Отдых?! – покачал головой Сталин. – А потом Москва! Н-да, аппетиты большие.

– Москве в плане уделяется не только огромное политическое значение, но и военное – крупный и жизненно-важный железнодорожный узел ну и пункт, для обороны которого мы бросим все свои резервы. То есть под Москвой они предполагают добить остатки Красной армии и полностью нарушить железнодорожное сообщение. Без Москвы перевозки крайне затруднятся.

На первый взгляд, ничего уж такого необыкновенного в плане не было. Московское направление – традиционно для всех агрессоров. Киевское... Тут тоже всё понятно – Гитлеру важно было прорваться к Донбассу. Ну а Ленинград. На Северную столицу даже Наполеон отправлял один корпус своих войск.

Впрочем, теперь война иная. Война с фашистской Германией будет ожесточённой, и Гитлер поставил в ней свои корыстные и преступные цели.

Ему была нужна внезапность, нужна молниеносная война. Потому-то и стремился успокоить письмом, хотя только неразумный человек мог поверить в клятвы честью бесчестного бесноватого фюрера. Гитлер говорил о вторжении в Англию, но одновременно по многим каналам шла информация о скором нападении на СССР.

Сталин всё более убеждался, что слив информации идёт намеренно, и прекрасно понимал причину – Гитлеру было необходимо, чтобы он – Сталин – подвёл к границе все свои резервы, чтобы значительно усилил первые и вторые эшелоны. Вот это несколько удивляло. Но ответить на вопрос, зачем это делает Гитлер, Сталин так и не смог. Ответ на них дала катастрофа Западного Особого военного округа, превратившегося с началом войны в Западный фронт.

Всё чаще в различных сообщениях и докладах фигурировала дата – 22 июня! Ну что ж, Сталин знал, что Гитлер мистик, а потому вполне мог предполагать, что и тут он остался верен себе. 22 июня – перелом года. Кстати, и Наполеон ведь начал наступление в такое же время в 1812 году. Тоже подгадывал! И «подгадал»! Сталин не сомневался: «подгадает» и Гитлер.

Кроме того, Сталин владел и ещё одной закрытой информацией. Она являлась таковой, что с ней не поделишься ни с кем – за умалишённого сочтут. Известно было, что Гитлер яхшался с экстрасенсами. А у тех было убеждение, что именно в сороковые годы Россия возьмёт курс на резкое возрождение – именно где-то через эти годы лежит рубеж перехода к необыкновенному возрастанию могущества. Понимал он, что известно это и Гитлеру. А что известно? В каком объёме? Возможно, в том же объёме, что и ему – Сталину.

А что вытекало из понимания данного вопроса? Да то, что начало перелома – 1942 год. Далее идёт всё резко, сильно! Это 1943 год, 1944 год, 1945 год... Потом подъём несколько утихает, хотя и продолжается путь к конечной цели – веку Сияния Руси. Сталин сосредоточился, чтобы вспомнить:

«Кто так назвал грядущий век золотым веком России? Ах да, – конечно же Пушкин!»

Сталин серьёзно интересовался наследием великого русского поэта, особенно не афишируя глубины этого интереса.

Ещё до революции в окружении Ленина появилась загадочная женщина. Звали её Зинаида Макаровна. Была она с Дона. Её брат Иван Макарович Рыбкин являлся хранителем Пушкинского архива. Работала она с Лениным по заданию своего деда Ивана Константиновича Морозова. Работала даже в эмиграции, в Париже. Какова была её задача? У Ленина не было секретов от Сталина. Сталин знал, что речь идёт о Пушкинской таблице революционных переходов, знал, что очень много советов давала эта женщина и по той работе, которая совершалась в стране. Сталин знал уже тогда о существовавшем на Дону архиве Пушкина, переданном атаману Кутейникову ещё в 1829 году. Но спасти архив не удалось – большая его часть была уничтожена в 1918 году, хотя он и не исключал, что пушкинисты немало важных документов спрятали самым надёжным образом. Как известно, рукописи не горят!

Сталин встречался с Иваном Макаровичем Рыбкиным. Он знал, что это – потомок дворянского рода Кутейниковых и Морозовых, знал, что человек он истинно русский, что образован и воспитан на высшем уровне, что он математик и что занимается законно-познавательными науками. Сталин не стал проявлять особенно большого интереса к Пушкинскому архиву. Опасался, что его интерес может не остаться в тайне и архив станут искать тёмные силы. Забирать его на хранение? Пока он жив, архив будет в безопасности. А потом? Ведь Сталин понимал, что не доживёт до сроков обнародования архива. Рыбкин назвал период с 1979 по 1998 год! В 1979 году Сталину будет сто лет! Сталин помнил Ленинскую фразу: «Какой из нас дурак доживёт до шестидесяти!» Помнил и некоторые важные моменты, сообщённые сестрой Ивана Макаровича Рыбкина. Они были использованы при составлении пятилетних планов развития народного хозяйства. Именно пятилетних. По Пушкину. Сталину импонировал Рыбкин, заявлявший: «Выстоять – значит победить!» Сталин считал так же. В отношении науки их взгляды также совпадали. Рыбкин говорил: «В науке не надо верить. Если в мире что-то существует, это можно познать. Если будете верить, а не познавать мир, вам подсунут ложь».

В этом Сталину, как руководителю государства, довелось убеждаться не единожды.

Вот и теперь ему постоянно пытались подсунуть ложь, но ложь особую. Его пытались убедить в том, что война начнётся 22 июня 1941 года. Но информации было слишком много, чересчур много. Это обилие информации могло иметь две стороны. С одной стороны, она могла разуверить в её правдивости, с другой – призвать к немедленным действиям. То и другое было выгодно Гитлеру. Это Сталин понимал. Но понимал он, что и Гитлер наверняка купается во лжи, а потому для него важно, чтобы Сталин провёл мобилизацию и сконцентрировал на границе максимум сил, которые можно будет разгромить в короткий срок, охватив танковыми клиньями, нарушив управление, окружив и уничтожив в котлах.

Сталин понимал, что и с разведкой у Гитлера не всё ладно. Разведка работает на то, чтобы доказать слабость СССР и подтолкнуть Германию к войне на благо всё той же коварной Англии. В такой обстановке нужно было держать ухо востро. И рассчитывать Сталин мог исключительно только на самого себя. Ведь Гитлер позднее понял, что Канарис умышленно снабжал его ложной информацией о слабости СССР для того, чтобы по заданию Англии поскорее толкнуть на войну.

Учитывал Сталин и мистическую сторону, которой большое внимание, как было известно из разных источников, уделял Гитлер. Знал, что Гитлеру экстрасенсы заявили: если он не разгромит СССР до 1942 года, то не разгромит его никогда.

Итак, всё сводилось к тому, что война начнётся 22 июня 1941 года. Именно эта дата казалась наиболее вероятной. Ну а то, что назывались и другие, которые оказались ложными, особенно не удивляло. Гитлеру нужно было одновременно и заставить поверить в начало войны и вселить неуверенность.

Снова и снова размышлял над одной странностью. Судя по тому, что сообщил разведчик Лагутин, Гитлер стремился заставить подтянуть войска к границе. Не странно ли? Получив разведданные о начале передислокации 16-й армии с Дальнего Востока на запад, руководство рейха впало в истерику и направило ноту, требуя объяснить, с какой целью это делается.

В середине мая поступила нота, которая, в принципе, была бессмысленной, поскольку руководство СССР имело полное право заниматься передислокацией своих войск на своей территории, но Сталин прекрасно понимал, что Гитлер ищет зацепки для того, чтобы в случае необходимости расторжения пакта о ненападении, обвинить во всём Советский Союз. Можно было и ничего не объяснять, однако Сталин ответил, что 16-я армия перебрасывается на советско-иранскую границу, чтобы усилить группировку, которая могла бы стать на пути англичан, если те предпримут агрессию через территорию Ирана.

Не желая обострять отношений, Сталин приказал наркому действительно отправить эшелоны на юг.

Гитлер устроил истерику по поводу выдвижения армии в западные области СССР! А тут вдруг, напротив, подталкивает к выдвижению войск к границе. Но пока ответа на этот вопрос не было.

Он взял на заметку эти странные факты. И занялся текущими делами. Надо было разобраться с дерзким пролётом германского самолёта через всю западную территорию СССР аж в Москву, на центральный фактически аэродром?

Маршал Советского Союза Тимошенко прибыл к Сталину, уже зная о причине срочного вызова. Сталин ответил на приветствие и доклад лишь кивком головы и сразу спросил:

– В чём дело, почему германский самолёт беспрепятственно пролетел от западных границ СССР до Москвы?

Что мог ответить Тимошенко? Только то, что успел выяснить перед поездкой к Сталину:

– Это германский транспортник. Он пролетел по маршруту Кёнигсберг – Белосток – Минск – Смоленск – Москва.

– Но почему же об этом пролёте, об этом прорыве через противовоздушную оборону не доложили войска воздушного наблюдения, оповещения и связи?

Тимошенко уже продумал ответы на некоторые вопросы.

– Германский транспортник был обнаружен, когда углубился на двадцать девять километров. Наблюдатели засекли его, но посчитали, что это рейсовый самолет ДС-3. Потому и не стали докладывать по команде.

– Кто первым получил информацию?

– Белостокский аэродром. Но там неделю назад нарушилась связь с силами противовоздушной обороны.

– Неделя прошла, но связь не восстановлена? – с раздражением спросил Сталин. – Как это может быть?

– Мне доложили, что там решается вопрос, кто должен её восстанавливать – службы аэродрома или войск противовоздушной обороны.

– Разгильдяйство! – сказал Сталин. – Прошу принять меры!

– Так точно, товарищ Сталин. За разгильдяйство виновные будут наказаны.

Но Сталин ещё некоторое время не мог успокоиться. Он задал прямо вопрос наркому:

– Не кажется ли вам, что немцы использовали эту самую доставку письма для того, чтобы проверить, каково состояние нашей противовоздушной обороны на Московском направлении? Ведь письмо они могли доставить по многим официальным каналам.

– Будет проведено тщательное расследование и издан специальный приказ! – поспешно заявил Тимошенко.

Сталин посмотрел на него, подумав: ничего ты не понял, товарищ нарком, ничего. Это была наглая, дерзкая выходка Гитлера. Она беспронзрышна. Если бы наши ПВО сбили «юнкерс», поднялся шум: мол, сбит мирно летящий пассажирский самолёт. Ну а то, что получилось, дало представление об уровне противовоздушной обороны, исследован и промерен маршрут, который мог бы пригодиться, если бы Гитлер решил начать войну с бомбардировки Москвы.

Правда, практическая дальность германского транспортника едва превышала тысячу километров, если точно – 1090 километров. Без заправки назад не вернуться. От Кенигсберга до Москвы горючего хватило, поскольку расстояние по прямой 1088 километров. Юнкерс летел на предельную дальность. В Москве его заправили и под конвоем истребителей сопроводили до границы.

Конечно, этот случай послужил хорошим уроком для командования войсками ПВО. Тем не менее приказ за подписью наркома и начальника Генерального штаба оказался на удивление мягким. Датирован он 10 июня 1941 года. В нём говорилось:

«15 мая 1941 г. германский внерегистровый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелёт по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полёта со стороны органов ПВО принято не было».

Далее перечислялось примерно то, что Тимошенко докладывал Сталину, довольно мягко порицались споры по поводу того, кто должен восстанавливать связь, перечислялись должностные лица, которые либо не знали об этом полёте, либо знали, но своевременно не доложили. К примеру, «начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полёту в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелёт».

Прозвучали дежурные слова о потере бдительности, а затем последовали наказания, причём в отношении ряда лиц была лишь рекомендация соответствующим штабам и командованиям наложить взыскания.

Но самое удивительное, что на устранение недостатков давалось время до 1 июля 1941 года, а доклад о принятых мерах нарком и начальник Генерального штаба и вовсе потребовали сделать им к 5 июля 1941 года. А наказания от наркома? Одному генералу выговор, другому и вовсе замечание, а третьему и было дано поручение обратить внимание на свои недостатки!

На том и окончилось дело с пролётом германского транспортника.

Пройдут годы, и во времена предательского правления Горбачёва за пролёт германского легкомоторного самолёта, совершившего посадку на Красной площади, в сердце советской столицы, полетят с высоких должностей многие военачальники, начиная с министра обороны Маршала Советского Союза Соколова. Разве не удивительно то, что Горбачёв, который спал и видел, как бы продать Советский Союз своим западным друзьям-хозяевам хоть оптом, хоть в розницу, так уж рассердился по поводу демарша западных друзей. Сразу пошли разговоры, а не им ли всё и организовано, ради того, чтобы вычистить из Советской армии подлинных патриотов, которые могли помешать сдаче страны?

Ведь создалось особенное, далеко не предвоенное – имеется в виду 1941 год – положение в армии. Если перед началом Великой Отечественной войны, как показали события, немало выявилось предателей, виновных в катастрофе лета сорок первого года, то к восьмидесятым годам до высоких званий выросли те, кто начинали войну лейтенантами, капитанами, майорами, кто был воспитан уже при советской власти, советской школой и всем советским укладом жизни. Все они, за редким, очень редким, даже можно сказать единичным исключением, были действительно беспредельно преданы Советской Родине и не помышляли ни о каких заговорах и не рассуждали за рюмкой, что им «при немцах было бы не хуже», как рассуждали между собой генералы Мерецков и Павлов, по признанию на следствии самого Павлова.

Горбачёву весьма сложно было найти опору в армии, а потому волевых, честных и принципиальных военачальников приходилось удалять с их высоких должностей, расчищая путь к тому, чего не смог добиться пахан европейской банды бесноватый фюрер. Во второй половине восьмидесятых немало поистине беспредельно преданных крупных военачальников при странных обстоятельствах ушли из жизни. Ну конечно же либеральная общественность никогда не осуждала подобные странные удаления с постов или и вовсе из жизни.

В мае же сорок первого года Сталиным был санкционирован приказ не разгромный, не обезглавливавший командование силами ПВО, а заставляющий это командование собраться и подготовиться к будущим суровым испытаниям. Сталин старался добиться того, чтобы, даже оступившиеся, даже водившие весьма тесные отношения с теми, кто готовил заговор по сдаче Советского Союза Гитлеру и реставрации капитализма под своей властью – они наивно мечтали, что немцы им дадут это, – могли реабилитировать себя честным служением Отечеству.

Если завтра война...

Сталин конечно же не поверил ни одному слову Гитлера из письма от 15 мая 1941 года. Оно, напротив, убедило в том, что война не за горами. Причём Гитлер сам обозначил примерные сроки. Пора было сказать о том откровенно военачальникам, руководителям крупных оборонных учреждений, да и государственным деятелям напомнить о том не мешало.

24 мая 1941 года Сталин собрал в своём кабинете расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). На нём присутствовали его заместитель и глава международного ведомства Молотов, нарком обороны Тимошенко, начальник Генерального штаба Жуков, которому Сталин поручил сделать подробное сообщение о состоянии Вооружённых сил и о проблемах подготовки к отражению вражеского нападения. Были приглашены заместитель начальника Генерального штаба – начальник Оперативного управления Ватутин, начальник Главного управления ВВС Красной армии Жигарев, командующие пяти западных приграничных округов – командующий Западным Особым военным округом генерал армии Павлов, командующий Киевским Особым военным округом генерал-полковник Кирпонос, командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Кузнецов, командующий Одесским военным округом генерал-полковник Черевиченко, командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант Попов, а также члены военных советов и командующие ВВС приграничных округов. Приглашены были и руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов, электропромышленности, транспорта и других оборонных ведомств.

Открыв заседание Политбюро, Сталин сразу заговорил о самых насущных проблемах:

– Обстановка обостряется с каждым днём, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. В это, конечно, трудно поверить, так как Германия ни в экономическом, ни в военном отношении сегодня к войне с Советским Союзом не готова. Однако от таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии. Англо-американская агентура делает в Германии всё, чтобы как можно скорее бросить Германию на Советский Союз. Англо-американские империалисты рассматривают фашистскую Германию как ударную силу в борьбе против Советского Союза и демократического движения во всем мире. В этом мы убедились, ещё когда анализировали политику англо-французских правящих кругов, направленную на срыв предложений о разоружении, внесённых советским правительством в Лигу Наций, на отказ прекратить подлую провокационную политику так называемого «невмешательства», возродившую германскую агрессию. Достаточно вспомнить, что накануне заключения нами договора с Германией о ненападении бывший британский премьер Чемберлен, со свойственным правящим кругам Англии лицемерием, делал всё от него зависящее, чтобы подставить нашу страну под удар фашистской Германии. Во время переговоров в Москве между тремя делегациями английской, французской и советской – об организации коллективного отпора агрессии со стороны фашистской Германии выяснилось, что английская и французская делегации умышленно затягивают переговоры и не имеют поручений от своих правительств заключать какие бы то ни было военные соглашения о совместных действиях с Советским Союзом в случае агрессии со стороны Германии. В это же время мы узнали, что английское правительство наряду с переговорами с нами ведёт одновременно тайные переговоры с Гитлером, предлагает немцам за нашей спиной заключить пакт о ненападении и разделить между Германией и Англией территорию Советского Союза и Китая. Суть этой политики понять несложно. Стравить в военном конфликте Германию и Советский Союз, чтобы самим стоять в стороне и, как это свойственно англичанам, загребать жар чужими руками. Они надеются, что после взаимного истребления Германией и Советским Союзом друг друга, сохранив свои вооружённые силы, станут безраз-

дельно и спокойно господствовать в мире. Убьют двух зайцев: ликвидируют Советский Союз и устранят с мировой арены своего конкурента в борьбе за мировое господство в лице фашистской Германии. Заключённый нами в тысяча девятьсот тридцать девятом году договор с Германией сорвал эти коварные замыслы. Англо-американские политиканы, как уже бывало не раз в прошлом, например, с небезызвестным планом Дауэса, пока что явно остались с носом.

Если подвести итог внешнеполитической деятельности с 1931 до начала 1941 года, то главным является то, что, несмотря на все происки англо-американского империализма, удалось избежать вовлечения Советского Союза в войну против фашистской Германии. В противном случае летом тысяча девятьсот тридцать девятого года нам бы пришлось в одиночестве вести войну на два фронта: против фашистской Германии на западе и против открыто напавшей на нас в районе реки Халхин-Гол Японии на востоке. Теперь же советская граница отодвинута далеко на запад, что даёт нам возможность, в случае нападения, развернуть наши вооруженные силы и вести военные действия вдали от жизненно важных центров страны. Разгром же Японии на Халхин-Голе существенно умерил воинственный пыл японских самураев, которые заключили с нами договор о нейтралитете.

Таким образом, заключение договора о ненападении с Германией было правильным политическим шагом с нашей стороны. Он дал необходимую передышку для более лучшей подготовки страны к обороне, позволил расколоть направленный против нас мюнхенский фронт империалистов в лице Германии, Италии, Англии и Франции и стоящих за их спинами США. В результате общего похода империалистических стран против СССР не получилось. Это главный результат.

Сталин дал ясное и понятное разъяснение международной обстановки и сути отношений Советского Союза с Германией, как уже вполне вероятным противником, а также с западными странами, которые удалось перевести из вероятных противников пока в нейтралов с надеждой в дальнейшем превратить в союзников.

Это было необходимо потому, что даже военачальники и государственные деятели высокого ранга не всегда отдавали себе отчёт в том, что происходит в мире и что сделано руководством СССР по предупреждению войны, причём войны на два, а может, и более фронтов. Сталин коснулся истоков будущей неотвратимой германской агрессии, напомнив о репарационном плане Дауэса, ставшем одним из первых шагов Запада в подготовке Германии для нападения на СССР и заключавшегося в восстановлении военно-промышленного потенциала Германии. Закулиса уже тогда планировала использовать Германию в войне против Советского Союза, что при любом исходе обеспечивало проникновение американского капитала в Европу.

Выступление Сталина давало ответ высшему руководству страны и командованию Красной армии на вопросы, волнующие всех, причём на такие, которые не поддавались порой лёгкому и быстрому объяснению.

Они актуальны и по прошествии многих лет, ибо, конечно, очень и очень сложно понять, почему омерзительная стая алчных агрессивных стран Запада не объединилась против единственной Страны Советов, а в союзе с СССР воевала с Германией. А ведь ещё в 1940 году Англия и Франция сами всерьёз рассматривали возможность нападения на Советский Союз и планировали бомбардировки нефтяных промыслов в Баку и Грозном. Советская дипломатия сумела обеспечить хоть и временный, но союз с Диким Западом, с агрессивными, бесчеловечными режимами, использовавшими лживые лозунги демократии, но после общей победы над фашизмом заговорившими о крестовом походе против СССР.

Сталин счёл необходимым подробнее образом разъяснить всё это на заседании Политбюро. Он, верный своей манере ставить в выступлениях вопросы и затем отвечать на них, сказал:

– Чем же объяснить то обстоятельство, что Вторая мировая война началась, вопреки надеждам англо-американских правящих кругов, не нападением Германии на Советский Союз,

а как схватка между империалистами Германии, с одной стороны, и империалистами Англии, Франции и стоящими за их спиной монополистами США? Во-первых, это объясняется прежде всего объективными межимпериалистическими противоречиями. Борьба монополий за рынки сбыта и источники сырья, обеспечение наивысших прибылей оказались практически сильнее, чем противоречия капиталистического мира с Советским Союзом – со страной нового общественного и государственного строя. Англо-американский империализм не мог уступить своим конкурентам в лице Германии и Японии господство над капиталистическим миром. Во-вторых, это объясняется тем, что правящая клика фашистской Германии не может не учитывать известных уроков Первой мировой войны: она всячески стремится избежать войны на два фронта и разбить своих противников поодиночке. Поскольку они считали, что Англия и Франция – более слабый противник, чем СССР, решили начать с них. Известно, например, что Англия к моменту нападения на неё Германии имела на Британских островах всего двадцать тысяч обученных солдат, двести пушек и пятьдесят танков...

Для многих, даже опытных политиков и видных военачальников, эти слова Сталина были откровением. Каждый что-то знал, о чём-то догадывался, о чём-то размышлял, пытаюсь докопаться до истины. Но ведь часто бывает и так: человек, закрученный делами, постоянно занятый на службе, отбрасывает ответы на сложные вопросы на потом.

Сталин постарался систематизировать данные о международной обстановке и донести их в понятном, доходчивом виде, недаром же те, кому довелось в высшей школе изучать труды и Ленина, и Сталина, не могли не отметить, что иные работы Ленина просто не поддавались быстрому пониманию после первого же и даже второго или третьего прочтения, настолько сложно написаны, в то время как Сталин умел излагать свои мысли настолько ясно и доходчиво, что его труды воспринимались сразу.

На заседании Политбюро Сталин снова продемонстрировал умение донести истину в её вполне понятном и ясном восприятии. Завершив этуакую прелюдию, он сказал:

– А теперь давайте посмотрим, как же у нас обстоят дела с подготовкой страны к обороне. Товарищ Жуков, пожалуйста, мы слушаем вас.

Жуков начал говорить о том, что сделано для подготовки к отражению агрессии. Он коснулся прежде всего стрелковых войск, рассказал о введении в апреле-месяце штата военного времени:

– По этим штатам дивизии надлежит иметь четырнадцать с половиной тысяч человек, семьдесят восемь полевых орудий, пятьдесят четыре противотанковых сорокапятимиллиметровых пушек, двенадцать зенитных орудий, шестьдесят шесть минометов, шестнадцать лёгких танков, тринадцать бронемашин, более трёх тысяч лошадей. Это идеал. На сегодня же в пограничных округах из ста семидесяти дивизий и двух бригад – девятнадцать дивизий укомплектованы до пяти-шести тысяч человек, семь кавалерийских дивизий в среднем по шесть тысяч человек, сто сорок четыре дивизии имеют численность по восемь-девять тысяч человек. Во внутренних же округах большинство дивизий содержится по сокращённым штатам, многие же стрелковые дивизии только начали формироваться. Чтобы довести количество бойцов в дивизиях до намеченных четырнадцати с половиной тысяч, нужно провести в стране всеобщую мобилизацию.

Провести мобилизацию? То есть сразу попасть в агрессоры?

Так ведь потому и был утверждён в октябре 1940 года соответствующий план, по которому предполагалось не наступать на наступающего противника, упредившего в развёртывании, а нанести максимальный урон в оборонительном бою, причём оборона предусматривалась мобильная. Остановил врага огнём с места, контратаковал, отошёл на новый рубеж и так в течение времени, необходимого для проведения под защитой обороняющихся соединений мобилизации, которая по плану проводилась в течение 30 дней после вражеского вторжения. И вот когда соединения будут доведены до полного штата, когда получат из народного хозяйства

автомобили и трактора, необходимые для буксировки пушек, можно и планировать наступление.

Трудно сказать, исходя из каких соображений Жуков и Тимошенко тайком от Сталина, тайком от советского правительства планировали вместо прочной, эшелонированной обороны мгновенный встречно-лобовой удар, если Жуков прекрасно знал, насколько слабо укомплектованы дивизии, что ни одна из них не имеет полного штата, что во многих танковых корпусах недостаёт танков. Или, может быть, он докладывал все эти материалы, как механический чтец, декламирующий то, что в его сознании никак не откладывалось?

Да вот хотя бы по танкам. Он декламировал хорошо поставленным командирским языком. Уж что-что, а этому он научился – читать по написанному подчинёнными штабистами:

– Из первоочередных стоящих перед нами задач крайне важной является формирование новых мехкорпусов. Пока их создано всего девять. В марте сего года принято решение о формировании просимых нами двадцати механизированных корпусов. Однако мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требуется шестнадцать тысяч шестьсот танков только новых типов, а всего около тридцати двух тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически, конечно, взять неоткуда, недостает для этого и технических, и командных кадров.

Девять корпусов! Да, они были – эти девять корпусов, были в наличии, были укомплектованы и представляли собой грозную силу, создавая паритет с вероятным противником в количестве танков. Жуков рассказывал о достижениях в комплектации Красной армией артиллерии. Знал ли он, кто воспользуется этой огромной мощью, знали ли, что панирует сидящий здесь же на заседании генерал армии Павлов?

Советская промышленность работала с полным самоотвержением. С 1 января и, как выразился Жуков, по настоящее время, то есть по 24 мая, Красная армия получила 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов, а всего орудий и минометов с учетом танковых пушек – 92 578.

Силища огромная. Какой враг смог бы преодолеть этот огневой заслон, если бы он был использован так, как положено его использовать. Но в тот день никто из присутствующих не знал, какова судьба уготована если и не всей, то значительной части этой мощи. Разве что знали Павлов и Кирпонос, которые за неделю до войны собрали всю артиллерию подчинённых им округов на сборы, где она и встретила войну, доставшись врагу целёхонькой с огромным количеством снарядов, которые были на всякий случай размещены подальше от мест этого нелепого сосредоточения.

А какая судьба ждала 27 артиллерийских полков и 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования, о которых Жуков рассказал в своём выступлении? В тот момент большинство сидевших в просторном кабинете Сталина, не могли не порадоваться за оснащение Красной армии таким мощным вооружением.

Жуков говорил, что артиллерия безусловно сыграет решающую роль в отражении танковых атак фашистской Германии, если она всё же решится напасть на Советский Союз. Если?! Да, Тимошенко и Жуков до сих пор придерживались мнения, что Германия начнёт войну против СССР только после разгрома Англии. Отсюда и такие вот обороты – «если решится напасть».

Сталин поморщился. Уж, казалось бы, совершенно ясно, что нападение произойдёт в самое ближайшее время. Даже день начала агрессии уже не раз был назван разведкой, только пока не было самого в этом главного – документального подтверждения даты нападения, подтверждения в виде директив и приказов германского командования. Разведка работала самоотверженно, разведчики не жалели себя, рисковали, но необходимый документ пока добыть не могли, потому что его пока ещё и не было.

Жуков ещё и пожаловался:

– Нельзя не признать, что артиллерии резерва Главного командования у нас недостаточно. К тому же артиллерийская тяга плохой проходимости не позволяет осуществлять маневрирование вне дорог.

Всё это Сталин прекрасно знал и понимал. Артиллерия – род войск, который особенно близок ему, ведь именно благодаря артиллерии удалось одержать блестящую победу над генералом Красновым, который уже считал, что Царицын, благодаря численному превосходству в живой силе и технике у него в кармане.

Сталин слушал внимательно, но это не мешало ему вспоминать, вспоминать о том, как разгромил генерала Краснова, военачальника, имевшего за плечами немалый боевой опыт, в том числе и Первой мировой войны.

Сталин против Краснова применил не просто военную хитрость, он применил приём, о котором мог знать из учебников истории военного искусства, а не из материалов съездов РСДРП. Массирование артиллерии!!! Это приём, применённый в 1807 году в битве при Прейсиш-Эйлау артиллерии генерал-майором Дмитрием Петровичем Резвым, дал возможность по крайней мере дважды обеспечить все условия для полного поражения французской армии. Тогда Наполеона спас убийца императора Павла Первого, негодяй, ворюга и предатель барон Беннигсен, который блокировал действия русских войск.

И вот Сталин производит массирование артиллерии, приказывает пропустить авангард войск Краснова и уничтожает артогнём главные силы.

Понять и оценить важность массирования артиллерии, да и не только понять и оценить, но и применить этот приём столь блестяще мог лишь военный самой высокой пробы.

Едва окончилась война, началось строительство молодой Красной армии. Тут снова можно вспомнить главный принцип – всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Но чтобы уметь защищаться, необходимо было создать надёжные Вооружённые силы.

А какие трудности встречались на пути этого строительства! Были среди них и вполне объективные, были, увы, и рукотворные, если не сказать более прямо – были вредительства.

Сталину вспомнилась история создания 76-мм дивизионной пушки.

В 1934 году конструктор Василий Гаврилович Грабин начал работу по созданию этой принципиально новой пушки, которой был присвоен индекс Ф-22. Проект её был закончен к началу 1935 года и к апрелю-месяцу были изготовлены три опытных образца. Пушки окрасили в жёлтый цвет и поэтому стали называть пушку Ф-22 – «жёлтенькая».

На 10 июня 1935 года был назначен показ артиллерии членам правительства. Сталин решил съездить на полигон, где были после демонстрации пушек стрельбы.

Уже потом ему было доложено то, что произошло перед самым его приездом. Грабин утром 10 июня с удивлением заметил, что его пушка исчезла с площадки. Стал искать, куда её дели. Оказалось, по распоряжению Тухачевского пушку спрятали в сарай. Грабин потребовал, чтобы пушку немедленно вернули на место, но не тут-то было. Обратился к одному, начальнику, к другому – всё безрезультатно. И тогда он направился к Тухачевскому и заявил, что при докладе руководителям партии и правительства расскажет о спрятанной пушке.

Тухачевский предпочёл не спорить с конструктором и обещал выставить пушку на площадку, но сразу заявил, что в показательных стрельбах она участвовать не будет.

Сталин помнил, что, едва выйдя из машины, он сразу обратил внимание на дивизионную пушку, скромно стоявшую на самой оконечности строя артиллерийских систем.

Кто-то уже докладывал о других пушках, но Сталина заинтересовала именно эта, как её называли, «жёлтенькая». Сталин внимательно осмотрел пушку и попросил конструктора подойти поближе.

– Товарищ Грабин, – сказал он. – Расскажите подробнее о пушке.

Вопросы задавал очень профессионально. Его интересовали дальность стрельбы, действие всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность оружейного расчёта, справится ли расчёт с пушкой на огневой позиции и многое другое.

Грабин подробно перечислил тактико-технические характеристики, и Сталин заметил:

– Красивая пушка, в неё можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая.

Разумеется, заметив такой интерес, пушку немедленно привлекли к стрельбам, после которых Сталин сказал присутствовавшим на полигоне:

– Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас ещё не решены. Надо быстрее решать и не ошибаться бы при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, ещё молодые, но они уже есть. Их надо растить.

Затем, повернувшись к Грабину, заявил:

– А теперь мы отправим вашу пушку в Ленинград, пусть военные её испытают. Я правильно понял вас, что в ней нет ничего заграничного?

– Да, товарищ Сталин, она создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании.

– Это замечательно, – сказал Сталин.

Пройдут годы, и Феликс Чуев в своей знаменитой книге «Сто сорок бесед с Молотовым» напишет:

«Конструктор артиллерийских систем В.Г. Грабин рассказывал мне, как в канун 1942 года его пригласил Сталин и сказал:

– Ваша пушка спасла Россию. Вы что хотите – Героя Социалистического Труда или Сталинскую премию?

– Для меня нет разницы, товарищ Сталин.

Дали и то, и другое».

А ведь, если бы не решения Сталина, эта спасительница России могла так и остаться не принятой на вооружение. Что это? Разве не вредительство?

Но в тот день 24 мая Сталин ещё не знал, насколько оказался прав, предвидя высокие боевые возможности пушки, которая ещё ни в каких боях не применялась.

Жуков сообщил, что только в начале 1941 года вооруженные силы получили 2650 самолётов новых конструкций, свыше 600 тяжёлых танков КВ и 1440 лучших в мире средних танков Т-34.

Разве можно было сомневаться, что такая мощь остановит любое нашествие. Ведь эти самолёты, эти танки добавились уже к тем, что находились в войсках, пусть даже и не новых конструкций.

В день заседания не все параметры были известны. Однако Советский Союз обладал внушительной силой и у Сталина были большие надежды на эту силу. Он предположить не мог, сколь бездарно или даже преступно можно распорядиться всей этой силищей.

По словам Жукова, на 1 января 1941 года в Советском Союзе действовало 19 военных академий, 10 факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища.

Тем не менее сохранялась острая нехватка командных кадров, которую в своей командной деятельности Жуков будет старательно усиливать, как сделал это он в ноябре 1941 года под Москвой, бросив на произвол судьбы сводный полк кремлёвских курсантов, как-то вот совершенно случайно не сообщив его командиру о том, что производится отвод на новый рубеж оборонявшихся на его флангах стрелковой дивизии генерала Панфилова, соседа слева, и кавалерийского корпуса генерала Доватора, соседа справа. В результате того, что сводный курсантский полк – Московского Краснознамённого пехотного училища – не получил не только приказа на отход, но даже не был извещён об отходе соседей, напрасно погибли в ожесточённых боях, проявляя невиданную стойкость, 830 уже не курсантов, а лейтенантов, поскольку лейте-

нантские звания им были присвоены приказом наркома обороны Сталина ещё 12 ноября. Они погибали, не зная о присвоении им звания. Командовавший фронтом генерал армии Жуков это от них скрыл...

830 лейтенантов! 830 командиров взводов, которыми можно было целиком обеспечить свыше 30 стрелковых полков.

Но эта трагедия была ещё впереди...

Отмечены были и мероприятия «в связи с угрозой войны». Несмотря на неверие наркома и начальника Генерального штаба в возможность нападения Германии до полного разгрома ею Англии, под давлением Сталина уже с января 1941 года войскам особых округов (Киевского и Белорусского) приказано было перейти на повышенную готовность. Началась переброска стратегических резервов из Забайкалья, с Урала, из Восточной Сибири и Туркестана. По директивам Генерального штаба от 13 мая 1941 года на рубежи Западная Двина – Днепр перебазировались: 22-я армия из Уральского военного округа, 21-я из Приволжского, 19-я из Северо-Кавказского, 25-й стрелковый корпус – из Харьковского военного округа. С 22 мая началась переброска 16-й армии из Забайкальского военного округа.

Эта мощная перегруппировка войск, проводимая именно под нажимом и постоянным контролем Сталина, фактически спасла Советский Союз в начальный период войны, когда Павлов, неважно, действуя как изменник или как бездарь, по поводу чего до сей поры идут споры, открыл фронт. Тут спорить не о чем – фронт-то был открыт...

После завершения выступления генерала армии Жукова Сталин подвёл итог. Его заключительное слово показало, что он к тому времени видел дальше и понимал больше, чем присутствующие, и вследствие своей эрудиции и вследствие того, что только он один владел всей полной информацией, остальные всё же владели ею в части, их касающейся.

Подводя итог, Сталин отметил, что период с 1939 года по 1941 год подтвердил правильность взятого курса партии на всемерную подготовку страны к обороне:

– Мы создали мощную экономическую базу для отпора агрессии. И теперь подготовка к обороне нашей страны проводится на прочной экономической основе, созданной в ходе успешного выполнения пятилетних планов.

Далее он привёл сравнения с 1913 годом, предвоенным годом Первой мировой войны. В ту пору сравнения были вполне оправданны, в отличие от тех, что впоследствии нередко делались в годы так называемого застоя, ведь то, что было достигнуто Российской империей до начала Первой мировой войны, всё подверглось во время революции, Гражданской войны и иностранной военной интервенции тотальному уничтожению. Советской власти пришлось создавать всё заново, фактически, как говорится, с нуля...

Сталин особо отметил:

– Благодаря объективным преимуществам социалистического способа производства над капиталистическим, преимуществам социалистической экономики, умелому их использованию мы стали великой индустриальной державой за тринадцать лет, да ещё в условиях враждебного капиталистического окружения. Срок просто фантастический. Известно, что Англии для этого потребовалось сто пятьдесят лет, а США – восемьдесят.

Ну и, конечно, не забыл высказать своё отношение об армии:

– Проявляя повседневную заботу о вооруженных силах, мы воспитали сильную и боеспособную армию, подготовили её к обороне страны. История учит, что, когда об армии нет должной заботы и ей не оказывается моральная поддержка, появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно, что всегда приводит такую страну и такой народ к катастрофе. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства – в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. В этом залог успеха, в этом залог победы.

Коснулся Сталин и большого вопроса того времени, признал, что были перегибы при чистке командных кадров, и с предельной ясностью раскрыл перед значительной аудиторией правду о репрессиях, признав, что советское правительство и лично он сам слишком доверились Ежову, который творил полный беспредел. Только после разоблачения этого негодяя и активного участника заговора по свержению Советской власти и реставрации капитализма в условиях военного поражения, стали известны циничные методы возглавляемого им репрессивного аппарата. Именно от его рук, пособника заговорщиков, пострадало огромное количество невинных ни в чём людей. Сталин сообщил цифры и факты:

– Большинство было уволено под прикрытием ставших модными лозунгов: за связь с врагами народа или за потерю бдительности. Достаточно было НКВД СССР установить, что среди знакомых военнослужащего или среди тех, с кем он повседневно общался по службе, оказался разоблачённый агент иностранной разведки, чего он, конечно, не знал и знать не мог, чтобы такого командира немедленно увольняли из вооружённых сил...

Ну и остановился на причинах, которые заставляли верить Ежову, умело пользовавшемуся сложной ситуацией в стране:

– Потеря бдительности – дело крайне опасное: ведь для того, чтобы осуществить успешное наступление на фронте, нужны сотни тысяч бойцов, а чтобы провалить его – два-три мерзавца-предателя в Генеральном штабе.

Сталин не случайно упомянул именно Генеральный штаб. После германской ноты по поводу передислокации с Дальнего Востока 16-й армии, он стал задумываться, а всё ли там ладно? Откуда могла произойти утечка сверхсекретной информации, как не из Генерального штаба?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.